

В городе святой Екатерины

Множество славных имён знает египетский Синай. Имя красавицы из Александрии, святой великомученицы Екатерины—одно из самых известных в мире. Наш синий Саян далеко-далеко, а мы уже у подножья горы Синай. В городке St. Catherine, в городе её имени. Русь православная с незапамятных времён держала связь с Синаям, первых посланцев направил сюда ещё креститель Руси князь Владимир. Две российские императрицы были у нас Екатеринами. Три крупных города в России носили имя святой—Екатеринбург, имя которому, после почти векового изгнания, не так давно вернули, Екатеринославль (он же Днепропетровск, а ныне—многострадальный украинский Днепр) и Екатеринодар (ныне Краснодар). В богатейшем монастырском музее мы увидим дарованные правителями России высокого мастерства большую кованую серебряную раку для мощей, прекрасные иконы и утварь, а на колокольне по сей день по праздникам звонят девять колоколов с земли русской. В 2002 году монастырь Святой Екатерины включён в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Екатерина жила и погибла в Александрии, но после казни ангелы не отдали тело великомученицы на поругание и тотчас же перенесли её почти за тысячу километров именно сюда, на Синайскую гряду. Но только через двести с лишним лет, уже в шестом веке, старцы Синайского монастыря, по извещению свыше, взошли на здешнюю гору более двух с половиной километров высотой и обрели нетленные мощи святой: отсечённую главу её и левую руку. С тех пор они хранятся в древней обители в храме Преображения Господня.

Эта величественная греческая церковь удивительна тем, что прямо за нею зеленеет куст дикого тёрна—неопалимой купины, по преданию, той самой, в которой явился Господь пророку Моисею, когда тот пас овец, и повелел ему вывести народ Израиля из Египта в обетованную Землю. В богатейшем монастырском музее есть красивая икона, где молодому златовласому Моисею явился этот горящий куст, хотя был он в ту пору уже немолод. Стоя перед ним, Моисей снимает обувь, не смея обутым касаться святой земли. Мы тоже постояли, сняв обувь, у куста и у колодца,

где выросший среди египетской знати недавний полководец, а теперь простой пастух и будущий пророк, встретил невесту Сепфору, защитив её от нечестивцев. Так вот, говорят, что глубочайший корень этого куста уходит под часовню «Неопалимая купина» и под алтарь храма Преображения Господня, который навечно связан двумя именами: ветхозаветным именем пророка Моисея и новозаветным именем святой Екатерины.

Вся жизнь её озарена преображением. По крови она была гречанкой знатнейшего происхождения, отец был наместником римского императора. Обладая незаурядным умом, красотой и богатством, Екатерина отказала всем женихам, не найдя себе равного. И тут явился Тот, Кто покорил её сердце. Это был Распятый—тот самый Христос, который для премудрых эллинов, по словам апостола, был просто безумием. Как же уговаривал её сам мучитель, римский император Максимин, вернуться в языческую жизнь, не губить своей светлой красоты. И с каким поистине царским достоинством отвечала она ему, что не она одна, а многие из его царских палат пойдут вслед за нею. И это свершилось. Уверовав во Христа после проповедей Екатерины, ушли мучениками из богатых палат в небесные обители: жена императора Августа, любимый военачальник Порфирий и с ними двести воинов.

Как умоляли Екатерину знатные жёны её круга, узнав, что император готов сделать её императрицей, послушаться его, «взойти на трон» и наслаждаться всеми благами жизни. Но все уговоры были бессильны: Екатерина осталась верна единственному и любимому своему Избраннику—Христу, заплатив за это своею жизнью. Трогательна последняя молитва святой в житийном описании святителя Димитрия Ростовского: *«Господи Иисусе Христе, Боже мой! Благодарю Тебя за то, что Ты поставил на камне терпения ноги мои и направил стопы мои. Прости ныне пречистые длани Твои, некогда уязвленные на кресте, и прими душу мою, приносимую Тебе в жертву ради любви к Тебе. Вспомни, Господи, что я—плоть и кровь, и не попусти, чтобы лютые истязатели на Страшном суде соделали явными согрешения*

мои, в неведении соделанные; но омой их кровью, которую я изливаю за Тебя, и соделай, чтобы тело сие, израненное в муках ради Тебя и усекаемое мечем, было бы невидимо для врагов и гонителей моих. Призри с высоты Твоей, Господи, и на предстоящих людей сих и наставь их светом Твоего познания, и прошения тех, которые призвуют чрез меня имя Твое святое, исполни на пользу, дабы всеми воспевалось величие Твое во веки».

В монастырь Святой Екатерины мы попали на второй день её памяти — восьмого декабря. Наш гид Акрам сказал, что литургия идёт обычно один час сорок минут. А после будет осмотр достопримечательностей монастыря, связанных, как всё здесь, с Ветхим Заветом и Новым. Мы зашли в храм — и будто попали на палубу громадного корабля. Он и вытянут-то по-корабельному. Там, где «штурвал», — огромное Христово распятие, нигде большего я не видела. Молчу о Голгофе.

Команда из греческих монахов в чёрных рясах, выстроившихся человек по двадцать по разные стороны Царских врат, воспевала по-гречески молитвы такими гортанно-грозными звучными голосами, что стены дрожали, как под напором мощных океанических волн. Мы ещё много услышим за нашу поездку по Святой земле истинно мужского пения, от которого отвыкли в наших приходских храмах. Да, это были воины Христовы, причём не робкого десятка. Народ «на палубе корабля» был с разных концов земли. В одном уголке сидели прямо на полу негритянки, в другом молились, «пав на лице», арабы, а может, латиноамериканцы; на коленях стояли, воздев руки, самые древние жители Египта — копты (после службы гид наш попросит копта показать крест, что выкалывают они на запястьях, чтобы никогда не отречься от Христа). По центру на стульчиках удобно расположились греки. Тут же, как мы появились, они стали вежливо предлагать нам пластмассовые стульчики. Но мы в большинстве своём решили: уж как-нибудь час сорок постоим и на ногах. И, даст Бог, причастимся.

Но прошёл час, завершился второй, пошёл третий... Непрерывно звучали песнопения, приходили и уходили толпы европейцев (-пеек) в джинсах, а начала литургии не предвиделось. Однако ж мы вместе с неграми, арабами, коптами-египтянами, греками терпеливо ждали. Стойкости нашей можно было позавидовать, но время шло, и гордость наша начала иссякать, многие стали озираться в поисках отвергнутых стульчиков и, как только кто-то покидал их, бросались к ним с великой радостью. Самые сметливые уже обрели точку опоры, устроившись на освободившихся стасидиях — высоких монастырских стульях с полусиденьями, почти таких же, как у преподобного Сергия в Троице-Сергиевой лавре. Проявляя чувство товарищества, сидели посменно.

По прошествии четырёх часов, когда силы были на исходе, наш многотерпеливый батюшка — отец Геннадий, обернувшись к нам, сказал тихо: «Ну вот, сейчас начнётся Божественная литургия». Ага, прикинули мы, значит, до конца службы осталось час сорок. Бже мой, уже прошло четыре часа, а впереди ещё целый час и сорок минут! Дело в том, что попали мы не на будничную литургию, а на праздник святой великомученицы Екатерины, который для полноты празднования перенесли с субботы на воскресенье.

Начиналась литургия. Заблестали золотыми облачениями епископы, архиепископы, митрополиты из Элима и Иерусалима. Стал подтягиваться новый народ. Вдруг из боковой двери впрорхнула, как нарядная бабочка, юная длинноногая женщина в сопровождении красавца-мужа и, как я про себя его назвала, папы — благородно-седого господина в дорогом чёрном костюме. Она встала в первом ряду, демонстрируя великолепно уложенные, отличающие золотом волосы (православные гречанки, чтобы их отличали от правоверных мусульманок, не носят здесь покрывала на голове), изящно поправила складочки коротенькой пышной юбочки, которая и так великолепно сидела на ней нежно-бирюзовым колокольчиком. Наверное, у неё сегодня именины, ибо чистая радость сквозила в каждом её движении. Поэтому и назовём её Катрин.

Судя по всему, её хорошо знали в монастыре. Седеющий сановитый монах из свиты, завидев Катрин, ласково улынулся и кивнул головой, она в ответ тоже кивнула головкой. Вероятнее всего, их семья — благотворители монастыря. Постояв немного, Катрин щёлкнула пальчиками, и тут же ей принесли кругленький стульчик прямо под цвет юбочки. Она села, снова изящно расправляя складочки. И тут чья-то рука хлопнула её по плечу. Неунывающая наша паломница из Абакана, чей чемодан вместо Иерусалима отправили в Париж (через пять дней, правда, вернули), показала удивлённой Катрин за её плечико и сказала по-русски: глянь, мол, за тобой — батюшка, весь обзор ему закрыла! Катрин, ничего не понимая, оглянулась, увидела нашего долготерпеливого отца Геннадия, вскочила и, демонстрируя своё красивенькое личико всем «пассажирам корабля», вежливо наклонившись и положивши ручку на ручку, попросила благословения.

Так благодаря бдительной прихожанке из абаканского прихода отца Геннадия получила наша Катрин на празднике великомученицы Екатерины прямо у мощей своей святой покровительницы благословение от известного в России пастыря и богослова, чем, думаю, осталась весьма довольна, не подозревая, правда, о достоинствах русского батюшки. Иначе растолковать указания русской паломницы она и не могла. Она ведь не знает, что у нас принято в церквях всех новеньких

и не похожих на других постоянно наставлять по части поведения в храме, научать, направлять. И подумала, наверное: надо было сразу взять у этого батюшки благословение, как только зашла, так у них, русских, наверное, принято. Благословились и снова уселась на стульчик. Всё было трогательно в ней. И когда в пик Божественной литургии зазвучало на греческом «Достойно есть...», Катрин сделала земной поклон и долго лежала, «упав на лице» пред Господом. Уж спутники её встали, а она всё не вставала...

Но вот литургия подошла к концу. Чаши с причастием вынесли прямо в толпу. Много чаш. Наши ряды смешались. Очаровательная Катрин, к которой уже начал было прибавиться один из наших путешественников, наверняка чтобы познать поближе, затерялась в огромной толпе и исчезла навсегда. Господи, дай ей так же чисто, светло и радостно, как в сегодняшний день, нести веру по всей жизни. Кстати, имя великомученицы Екатерины с греческого означает «всегда чистая»...

Стою, сложив руки для причастия, очередь сама движет меня навстречу чаше. «Ортодокс? (Православная?)», — спрашивает, добро глядя на меня, монах-грек. «Валентина», — отвечаю я. Он улыбается моему ответу и причащает. На Синае. В монастыре Святой Екатерины. Ну не чудо ли?

Итак, вместо часа сорока службы получилось у нас пять часов двадцать минут! Потом долго гоняли именно нашу группу паломников по разным ответвлениям храма, обещая гида Акраму, что быстренько выдадут нам колючки от самой святой Екатерины, пока не влились мы в общую толпу, не выстояли очередь и не припали к мощам великомученицы.

Как рассказал гид, хранятся они в алтаре храма. Главу невесты Христовой покрывает золотой венец, а на одном пальце надето драгоценное кольцо — в память таинственного обручения святой Екатерины с Небесным Женихом. Нашей многонациональной толпе их вынесли к выходу в ковчегах, не открывая. Хотя, в отличие от наших ковчегов, где мощи закрыты от рассмотрения покровом, греческие монахи, по вековой традиции, выставляют косточки в их чистом виде.

Немало были удивлены не очень бывалые паломники, когда накануне в городе Элиме, в старинном монастыре Великомученика Георгия Победоносца, после рассказа о святой жизни одного из настоятелей монастыря — игумена Григория — повели нас к его мощам, обрётённым относительно недавно. Он ещё не прославлен во святых, но уже при жизни и по смерти не раз являл истинную святость. Приходим мы в крошечный левый придельчик храма Святого Георгия, выстраиваемся в очередь, чтобы приложиться к раке с мощами. А вместо неё видим в стеклянном гробу полуистлевшие останки в рясе, череп с уцелевшей

рыжеватой бородою, ступни-кости в тапочках... Memento mori. Помни о смерти. Смерть рядом. Это первое, о чём тебе здесь напоминают. То же самое было и в костнице Екатерининского монастыря, расположенной в полуподвальном помещении: стеклянные короба до потолка, полные костей и черепов молитвенников, почивших на этой земле. Думала, что только на Афоне останки монахов извлекают из земли и черепа выставляют на обозрение. Но тут их тоже видимо-невидимо. А по центру костницы под стеклом — останки отшельника-игумена, который умер на здешней горе, сидя на стуле. Так и сидит он на стуле четырнадцать веков уже в пределах монастырской костницы, облачённый в одежды. Право же, не знаю. Мы живём в такое время, что о смерти нам напоминают ежедневно, забываясь и забыть о смерти уж точно никак не дают. А когда едешь в святые места, хочется воскреснуть душой, больше думать о воскресении, хочется тихого веяния благодати, которое коснулось когда-то пророка Илии. А получил-то он то первое Божественное откровение именно здесь, на горе Синай!

Всё-таки одна частичка мощей святой Екатерины постоянно выставлена в самом храме и хорошо видна под стеклом. Это большой палец левой руки. Так получилось, что наша группа застряла в очереди именно возле этой частицы, и благодаря этому каждый помолился святой Екатерине о своём вдоволь и не торопясь. Кстати, в древности считали, что большой палец левой руки помогает человеку понять свою миссию на земле. Поскольку в праздничный день в храме было очень многолюдно, к главе и левой руке великомученицы, упрятым в ковчеги, нам давали приложиться на выходе ненадолго, но зато каждого (каждого!) одарили серебристым колечком от святой Екатерины. Сам Христос одарил когда-то перстнем свою избранницу и обручил её себе. И вот на свой праздник она уже нас одаряла-благословляла колечками. На каждом из них — сердечко, внутри сердечка — аббревиатура «А. К.» и надпись: «Агиос Катрин», то есть «святая Екатерина».

Что примечательно, почти во всех греческих монастырях, которых мы потом повидали немало на Святой земле, нас старались чем-то одарить. В том же элимском монастыре Святого Георгия не дали уйти, пока не угостили чаем с хрустящими палочками. А как трогательно подавали своё угощение в беленьком зале, увешанном портретами наместников! В суровом горном монастыре Искушения Господня, уже на Святой земле, предложили елеопомазание маслом из лампадки и дали по кусочку просфоры. В монастыре Святого отшельника Герасима в долине реки Иордан поили соком красного винограда с сухарями...

Но вернёмся в монастырь святой Екатерины. На завтрак мы уже давно опоздали, на экскурсию уже

не было сил, оставили её на вечер. И направились сибирские «ортодоксы» в городок Святой Екатерины, чтобы заодно позавтракать-пообедать, передохнуть — и снова в монастырь. Впереди была бессонная ночь — ночь восхождения на Моисееву гору. Накануне наш святой праотец Моисей так нежно принял нас на своём источнике в Элиме, что до сих пор сожалеем, что долго в том источнике находиться было нельзя. Так рекомендовал наш гид Акрам: сила источника такова, сказал он, что пребывать в нём надо не более пятнадцати-двадцати минут.

Водоём был не только закрыт сверху куполом, но и услан по дну и по верху каменным полом. Сам источник довольно глубокий и такой тёплый, что покидать его очень не хотелось. Но мы проявили послушание, и, может, за то нам была дана радость, та самая благодатная радость, которая исходит от настоящей святости. Так что восхождения мы совершали, омывшись и набравшись сил в святом источнике Моисея. Кстати, имя его с египетского означает «вынутый из воды».

На Синайской гряде

Не верится, но мы — в египетском Святогорье. Светлая Синайская гряда, омываемая с двух сторон Красным морем, стеной идёт по южной части Синайского полуострова, разделяя Африку и Азию. Чувствуем себя здесь будто на другой планете, настолько у гор непривычный, неземной вид. Никакой зелени на вершинах, никакой зелени по склонам и даже внизу. Это вам не кудрявые Саяны, что окружают наши города. Точного нахождения той горы, на которую взойшёл Моисей, чтобы на скрижалях получить Десять Божьих заповедей для своего народа и всего человечества, никто уже не укажет. В Библии Синай называют горой Божией, горой Хорив. Мы будем восходить по южному склону Синая, который уже со второго века стали почитать как библейскую гору и как гору Моисея.

В четвёртом веке стараниями византийской царицы Елены здесь появилась первая часовенка. В шестом веке стоял уже Синайский монастырь. С одиннадцатого века обитель стала называться монастырём великомученицы Екатерины. С тех древнейших времён вот уже шестнадцать веков совершают христиане паломничество к Божьей горе двумя тропами — крутой и более пологой. Нам предстоит идти пологой.

...На гору Моисееву поднимаемся с молитвою ко Христу. Узкая горная, уходящая в небо дорога соединила эти имена Ветхого и Нового Заветов. Мы идём к истокам. Щуплый, лёгкий на шаг проводник из местных Ахмед возглавляет наше шествие. Ночь. Звёзд почти не видишь среди тёмных очертаний гор, потому что смотришь на тропинку, чтобы не сорваться с неё. Внизу таинственно темнеют пропасти. Но, устремившись по тропинке,

о них не думаешь, главное — не оступить и не отстать. Ярko светятся, высвечивая каменные уступы, натянутые на лбы фонарики. Этот ручеёк из огоньков катится не с горы, а вопреки законам физики поднимается всё выше и выше.

Передо мною уже много огоньков — значит, отстать. Но оттого, что нас много, оттого, что кто-то постоянно обгоняет, а кто-то идёт за тобой, ускокаивающее ощущение, что ты внутри ручейка и он тебя обязательно вынесет на эту желанную вершину. Путь нам предстоит нелёгкий, долгий, четырёхчасовой, поэтому и взываем время от времени о помощи маршеобразным пением паломников:

Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго...

И снова с первой строки и с именем Христовым. На себе проверено: помогает.

Восхождение наше началось после часа ночи. Где-то пасут отары овец, подумала я с удивлением, когда мы были ещё у торговых палаток внизу. Удивляться было чему. Синай, по крайней мере, в декабре, поражает отсутствием зелени на склонах. Лишь в некоторых впадинах можно увидеть редкие мелкие колючие кустики. Где тут овец пасти? И всё-таки у подножья горы в полупочном воздухе снова крепко запахло скотом, загонами. Продолжаем путь наверх — и вот он, ответ. В тесном загончике стоят, лежат, отдыхают, томятся двугорбые верблюды. Они пожёвывают нечто со спокойствием и достоинством египетских кошек. Пусть простят меня верблюды за сравнение с такой мелкой тварью, но Египет точно — родина кошек, потому что, на мой взгляд, только здесь они такие неспешные, крупные, упитанные, независимые и исполненные достоинства. Такой белый кот встретил нас на довольно большой высоте на обратном пути, сидел важно на большом камне и требовал, чтобы его кормили. Что оставалось людям? Только подчиниться.

Только поравнялись с загонем, молодой бедуин подводит к нам огромного верблюда под уздцы. Мы дружно отказываемся от услуги. Но на каждом повороте, где хоть маломальская площадка у тропы, жители городка Святой Екатерины снова и снова предлагают нам своих питомцев в качестве транспортного средства. Потом не раз обгоняли нас соблазнительно восседающие меж двух верблужьих горбов иностранцы. Но мы упорно двигаемся на своих двоих. Вижу, как трудно идущей рядом спутнице из Енисейска: недавно сломана нога, дыхание захватывает. Шаг её становится всё тяжелее. И хотя она рвётся всей душой туда, на вершину высотой почти в два километра триста метров, ноги совсем не слушаются. И вдруг, завидев этот её шаг через силу, из темноты на обочине выделяется молодой египтянин, словно по мановению волшебной палочки оказывается с нею

рядом, ловко подхватывает за локоть. «Вам помочь, мадам?» — говорит он очень хорошо по-русски. «Мадам» облегчённо опирается на его руку, и они шествуют уже вдвоём по тропинке, словно любящие сын и мать. Тут же уже к другой обессилевшей спутнице метнулся ещё один помощник, вот уж и они идут вместе рука об руку... Я не удивляюсь их появлению. Удивляюсь тому, как бедуины чисто, без акцента, спрашивают по-русски: помочь ли?

Обгоняю их. Ручеёк из фонариков-светлячков поднимается в темноте всё выше и выше. Белеет лишь тропа под ногами. Скоро — последняя остановка. Неожиданно на фоне ночного неба, обгоняя нас, появляется большой, как гора, верблюд. А на его неимоверной высоте, ухватившись за первый горб, восседает наша Галина Васильевна, не пожелавшая возвращаться в уютный отель. Видать, ноги совсем отказали, и тогда она прибегла к последнему средству передвижения. При виде этого экзотичного зрелища мы зашумели радостно. Но наездница наша скрылась уже в темноте, опередив группу.

Перед подъёмом нас предупредили: не садитесь на камни (что иногда встречались на пути, уложенные вдоль тропы вроде бордюров) — могут опрокинуться. И второй запрет был: смотрите только на тропу и не бросайте взоров по сторонам, может закружиться голова и ещё много чего плохого может быть. Так вот. Уже потом Галина Васильевна рассказывала, как страшно ей было сидеть так высоко на этом без конца колеблющемся живом «сиденье», видеть тропинку, провалы пропастей вокруг: ведь упадёшь с такой высоты — костей не соберёшь. Но вера в промысел Божий, в неслучайное своё присутствие на Синае помогли ей не только взобраться на эту живую двугорбую «гору», но и успешно одолеть путь по горной тропе. К последнему приюту она прибыла раньше нас.

Такие безумные, с точки зрения обывателя, ночные восхождения зачастую отнюдь не молодых иностранцев на Моисееву гору — хоть маленькая возможность для местных жителей заработать немного долларов. Надёжная точка опоры для нас при восхождении — посохи, лёгкие, крепкие, почти изящные полированные посохи из финиковой пальмы. Их мы купили у местного жителя за два доллара штука на территории монастыря. Тоже какой-никакой доход главе семейства. Статья дохода — и продажа сувениров у подножья Синая: трогательных белоснежных платочков с цветным печатным изображением «агиос Катрин», медальончиков и колечек от святой Екатерины, тёплых пончо, палантинов, шарфов, которые, чем выше мы поднимаемся, тем меньше греют. Там, на вершине, где бывает минусовые температуры, спасают от холода только толстые одеяла, накинутые на куртки. Их можно взять напрокат тоже за два доллара, что я и делаю, когда мы останавливаемся

в последнем приюте для странников перед штурмом самой главной вершины.

Приюты — это сборные кафе-палатки. Мы останавливались на пути четырежды. С радостью садились на холодные скамейки, покрытые домоткаными, похожими на наши, дорожками и коврами, согрелись отменным горячим кофе за два доллара, предлагали нам и чай по той же цене. В «дверном» проёме сверкали алмазами звёзды. Под шатром рядом с нами, сибиряками, оказывались то спортивного вида весёлые американки, то шумные латиносы, то арабы, то греки — этакое сиюминутное общечеловеческое единение на маленьком пятачке Синайской гряды.

Собранные святым праотцем Моисеем, его священной Книгою о начале начал времён Ветхого Завета, когда этот Завет был юн, взбудораженные от кофе, от нелёгкого восхождения, от порокённых вершин, от предстоящей главной вершины, мы были похожи друг на друга. И в темноте этой египетской ночи были едины. Местные жители-египтяне, которым туристы помогают выживать, тоже были душою вместе с нами, ибо глубоко почитают пророка Мусу.

Но не всё, оказывается, доступно египетским верблюдам. Например, завершающие восхождение «семьсот ступеней покаяния» — те, что ведут на самую вершину горы. Они идут чуть ли не вертикально до заветной верхней площадки, на которой мы надеемся встретить рассвет. Это действительно ступени, отполированные уже до блеска человеческими ногами, иные — очень даже высокие и скользкие. И это — наш последний штурм. По ступеням надо подняться обязательно, независимо от того, как бьётся сердце, как идут ноги и какая, должно быть, страшная пропасть под тобой. И вновь отрывисто, уже про себя (нет сил выдыхать звук), уже продвигаясь ползком (невозможно одолеть эти ступени в вертикальном положении), шёпотом молим:

Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго...

Думаю о том, что когда Моисей восходил на Божью гору, до первого пришествия Христа в этот мир было ещё так далеко. Но их встреча была тогда, и были они совсем рядом: сам Господь, что в трёх лицах ждал на Синае своего избранника, и Моисей-богосвед, так его ещё называют. Сколько гор нам встретилось потом на пути от Саяна до Синая и Сиона! На высокую Фаворскую гору мы уже не восходили с посохами, ибо это требовало времени, а его, как известно, современному человеку, где бы он ни был и что бы он ни делал, не хватает. Поднялись на микроавтобусах в обитель Преображения Господня, любовно обустроенную русскими монахинями, украшенную всё больше жёлтыми, солнечными цветами. Поклонились камню, который помнит Христа, явившего себя

в небесной славе. Место Преображения Господня, огороженное низенькой оградой, всё было усыпано упавшими под снеговыми ударами апельсинами и мандаринами. Оранжевая от них земля сияла вместе с оранжевыми цветами.

Каждый год на православный праздник Преображения Господня на Фаворскую гору нисходит светлое сияющее облако в виде креста. С той же неизменностью, как зажигается нерукотворный огонь на Пасху в Иерусалиме, в часовне Воскресения Христова. Самое интересное, когда отправились мы в первый день в путешествие по Синаю, вдруг увидели из окна автобуса сияющий на небе крест, словно пожелание нам на все дни путешествия иметь фаворский свет в душах. Так вот там, на горе Фавор, рядом с Учителем в сиянии небесной славы, ученики увидели ветхозаветных пророков. Рядом со Христом стоял Моисей и беседовал с Ним.

Вот как о том размышляют в наших православных календарях: *«Моисей первым видел тот же Божественный Свет на горе Синай, где получил заповеди Божию, и на Фаворе ученики увидели этот Свет и услышали дальнейшее изложение воли Отца Небесного, который в немногих словах засвидетельствовал о Христе как о Своём возлюбленном Сыне и повелел новую заповедь: „Его слушайте“. Явившись на Фаворе, Моисей подтвердил тем самым конец Ветхого и начало Нового Завета, склонив перед Христом голову, как некогда на Синае перед Богом».*

Спуская четыре тысячи лет мы поднялись на вершину Моисеевой горы. Вступили на неё, когда, не разродившись рассветом, ещё темнела кромка неба. На пике горько на разных площадках, где ниже, где выше, толпилась завёрнутая в пледы и одеяла многонациональная людская толпа, слева виднелся запёртый скромный храм Святой Троицы. Все ждали солнца, обернувшись лицами к востоку. И вот тьма дрогнула, на безвидном громадном небе, похожем на ночное море, появился золотой поддон, пробился один луч, другой, третий. Воссияв, лучи вдруг враз обернулись алой зарёй, и тут же из глубины «морской» небесной глади вышло солнце. Весь мир был словно на ладони Божьей. И мы тоже оказались на Его ладони. Гряда Синайских гор, горстка людей на вершине Моисеевой горы и этот восход. Мы пришли к тем истокам, когда Завет Господа с нами был юн, когда нам, человекам, были дарованы во спасение Десять Его заповедей.

В необъяснимой радости возвращаемся обратно, светимся, сияем от этой радости. Спускаемся уже не в темноте. Но эти «семьсот ступеней покаяния» и в спуске нелегки, иной раз хоть снова на четвереньки становись. Исхитрились — спустились. Идём дальше, а на месте нашего последнего приюта — камни да мусор. Уехало кафе вместе с верблюдами и осликами. И сидит на какой-то приступочке — кто же? — дорогая наша Галина

Васильевна. Глаза, громадные, голубые, сияют небесным светом. Верблюд довёз её тогда по темноте до последней «станции» да и пошёл себе с хозяином обратно. А ей ничего не оставалось, как терпеливо нас ждать. Бросились мы её обнимать, чтобы передать благодать, принесённую оттуда, с вершины. А она — плакать от радости.

Спуск продолжился. На обратной дороге нам показали куда более высокую гору, самую высокую на гряде, где обретенны были останки святой великомученицы Екатерины. И... место в самой низине, где забывшие единого Бога соплеменники в ожидании Моисея принялись опять молиться своим языческим богам — кумирам и приносить им жертвы. Ах, сколько таких низин в нашей жизни! Казалось бы, вот уж покорили вершину. И снова — в низине.

Но в тот день мы ликовали, мы парили ещё в высотах Синая. С каким наслаждением, положив посохи, уселись отдохнуть у мощных крепостных стен Екатерининского монастыря, который и мусульмане не посмели разрушить. Кажется, мы — внизу, а на самом-то деле на полтора километра выше уровня моря. Поодаль верблюды тоже отдыхают. Ослики куда-то везут поклажу. Декабрьское египетское солнышко греет для нас по-весеннему. Горы в его сиянии беленькие, живописные, тёплые. Вот он какой, Синай... Радостно, как после долгих праведных трудов.

Отъединившиеся уже душою от нас взбудораженные иностранцы тоже в радости спускаются в долину. Встаём и вслед за ними выходим на широкую дорогу, что идёт мимо стен монастыря. А тут — машины с полицейскими: одна, вторая, третья... Настороженное, тревожное движение во всём. Война в Египте. Привнесённая извне коварная война между гражданами одного государства. Она напоминала о себе, когда мы ехали сюда через блокпосты. Осенью в Сибири как-то мимо нас пролетели сообщения о том, что монастырь Святой Екатерины намеревались вообще закрыть для паломников и туристов. Веками это место считалось образцом мирного сосуществования мусульман и христиан. Наш гид в первую очередь рассказал нам, что в монастырской библиотеке бережно хранится охранная грамота самого пророка Мухаммеда, которого православные монахи здесь приняли и укрывали от врагов. И вот вражда на Синае, убийства христиан-коптов — самых древних коренных жителей Египта. Бандформирования джихадистов наводят вокруг ужас, отпугивают туристов, без которых беднякам не прокормить ни верблюдов своих, ни свои семьи. Каждый день идут столкновения между экстремистами-исламистами и армейскими подразделениями.

Этот день, девятого декабря 2013-го, так и запомнился: нашей ликующей победой и тревогой, витающей у монастырских стен. Надо признать, что наличие блокпостов никак не мешало нашему

продвижению по Синайскому полуострову. Военные нас пропускали без проблем, думаю, благодаря нашему гиду Акраму. Он давно уже возит экскурсии, и военные патрули его хорошо знают. Египтянин Акрам—это одна из радостей, дарованных нам в путешествии по Синаю. В глазах его—тысячелетняя печаль и мудрость древнего народа, много чего повидавшего за время своего существования. И рассказы Акрама тоже мудры, но... не печальны, а радостны. Он из тех редких людей, что непременно в любом, самом тяжёлом разговоре выведут к свету.

Наш друг Акрам

Мама у нас для малыша, говорил мусульманин Акрам,—это детский сад и школа. Мама—это всё. Всё от неё исходит. Ох, как интересно, глубоко и мудро он нам рассказывал, почему девушка перед замужеством должна быть чиста, почему она должна вынашивать и рожать всех дарованных Богом ребятишек в чистоте. Сейчас в семейной жизни внедряются новые традиции, говорил Акрам, но разве это хорошо, если новые традиции хуже старых? Нельзя убивать старые традиции в угоду новым. Вот такой сопровождал нас гид—молодой консерватор с тремя высшими образованиями и с прекрасными горящими глазами поэта. Акрам рассказал и о том, почему он выучил русский язык. Потому что ещё в школе он много интересного узнал о строительстве русскими в Египте Асуанской плотины. Тогда египетским ребятишкам прививали самые добрые чувства к советским гидростроителям. Именно история строительства трёхкилометровой Асуанской плотины, которую называли чудом инженерной мысли и дружбы народов, для пытливого мальчишки стала толчком для того, чтобы узнать о России побольше.

Я вспомнила, как задушевно пел Марк Бернес песню: «Напиши мне, мама, в Египет, как там Волга моя живёт». Акрам с радостной готовностью выслушал несколько строк из этой песни:

Жар пустыни нам щёки щиплет,
И песок забивает рот.
Напиши мне, мама, в Египет,
Как там Волга моя живёт.

А какие дальше слова, я не знала. Приехала—нашла и обрадовалась. Отправила Акраму, который живёт на берегу Нила:

Не спешу я пока обратно,
Чтобы память о нас хранил
Этот жёлтый и непонятный,
Не похожий на Волгу Нил.

Будет море, мы это знаем.
Будет небо в морской пыли...
И летят сюда вслед за нами
Наши русские журавли.

А дальше ещё круче—упоминается наша Сибирь, которая бурно осваивалась в те же годы, когда строилась в Египте плотина:

Мне бы лучше в Сибирь путёвку,
Но учти: когда выйдет срок,
Вдруг на Марс начнётся вербовка?
Я поехал бы на годок.

Здесь как будто весь воздух выпит,
Нету дождика третий год.
Напиши мне, мама, в Египет,
Как там Волга моя живёт.

О дождях рассказал Акрам невероятное: какие тут три года?! На Синае дождей не бывает по пятнадцать-тридцать лет! Потому и строят здания на полуострове не выше третьего этажа, что очень мало здесь воды. В городке Святой Екатерины мы жили вообще в одноэтажных, крыльшками выстроенных бунгало на два номера с двумя выходами в номере: через дверь и... через окно. От ночного горного холода нас спасал нагреватель такой мощности, что до сих пор вспоминается эта наша блаженная Сахара.

Так вот, невероятно, но факт: вечером перед отъездом мы, не торопясь, возвращались впотьмах из местного ресторана, который обильно попотчевал нас местными и европейскими блюдами. Тишина стояла в городке оглушительная, звёзды в небе соревновались по излучению с фонарями. И вдруг на меня упала крупная капля дождя. «Дождик...»—удивлённо сказала я. Все рассмеялись: ага, наверное, тот, что выпадает раз в пятнадцать лет.

Стали мы уже расходиться по своим номерам, и вдруг капли заторопились, зачастили и стали падать на нас всё быстрее. Пришлось моим оппонентам признать: в городке Святой Екатерины пошёл дождь! Под дождик мы, как правило, уезжали в России из святых мест и принимали его всегда за благословение свыше. И тут, на Синае, почти не знаящем дождей, русским дождиком благословили нас святые христианские подвижники земли египетской. Впереди было Красное море.

Теперь понимаю: именно из-за того, что в этой части Синая не строят домов выше третьего этажа, так было много неба и света над дивным белокаменным городком Элимом, близ которого мы окунались в Моисеев источник, и над маленьким приморским местечком вблизи города Таба с изящно выстроенными корпусами, втиснувшись в малое пространство между морем и горами. Добавьте сюда отсутствие рекламных щитов, загораживающих всё и вся, и вы поймёте, что Египет в этой части—это страна гор и неба, такая, какой она была и тогда, когда нам даны были Десять заповедей на горе Хорив. Много гор встречалось

нам на нашем пути, но не было подобных тем, что стоят Синайской грядой. «Они—будто море застывшее»,—сказал, в который раз удивляясь им, отец Геннадий Фаст—наш поводырь и пастырь, который взялся нас, тридцать пять душ, повести, как Моисей, по пути исхода израильтян из египетского плена в Землю обетованную.

А дождик окреп. И когда мы уже отдыхали на побережье, уверенно заморосил, будто где-то в осенних полях под Дивеево. Красное море потемнело и перестало удивлять своими загадочно-синими, фиолетовыми, нежно-сиреневыми и голубыми красками. Приморский город, что белел на противоположном иорданском берегу, уже не казался заморским сказочным Бел-городом. Солнце исчезло и забрало с собою большую часть красок мира, на богатство которых мы только недавно взирали с неимоверным восторгом. Горы, нависшие над отелем, изменили свой нежно-розово-сиреневый цвет и смотрелись уже простыми тёмными камнями не из Синайской, а из нашей, Саянской, гряды.

Наступила осень, обычная русская осень, что покрывает наши родные земли в конце сентября. Несмотря на зеленеющие кипарисы и пальмы, кактусы и фикусы, на кустарники, увешанные весёлыми гирляндами розовых, белых, сиреневых, оранжевых цветов. Мы, конечно же, приуныли, особенно красноярцы, пережившие как никогда холодное, мрачное лето 2013 года. Стосковавшиеся по солнцу, как жаждали мы согреться в ласковых благоуханных лучах Синая и Святой земли! Да... Мы ещё не знали, что нас ждёт впереди, в Израиле!

Ах, как прозорлив был наш мудрый гид Акрам, как прозорлив, когда, отправляя нас в израильскую землю, на прощание многожды повторял: «Желаю вам крепости духа! Крепкого духа вам!» Чисто русское долгое расставание с обниманием—и остаётся дорогой наш Акрам по ту сторону границы. А мы уже переходим Чермное (Красное) море. По обе стороны перехода плещут почти у ног морские волны. Идём будто по морю, так оно близко с обеих сторон, но на самом деле—по хорошо оборудованному переходу, в отличие от израильтян, которые, устремившись в Землю обетованную, прошли по дну расступившегося моря. И всё-таки. Всё то же море плещет вокруг нас, и небо то же, и земля...

Потом, уже дома, я прочитаю, что творилось в оставленном нами Синае: *«Непогода бушует по всему региону. Снег выпал даже в Египте. Многие местные жители снега не видели никогда. В этой стране даже небольшой дождь считается редкостью, а снег—и вовсе явление небывалое. Последний раз снегопад... наблюдали более 100 лет назад»*. Синай остался за нами весь в снегу.

У Мёртвого моря

На израильской стороне встречает нас уже другой гид и сразу же извиняется за сорванный верхний люк в автобусе, наспех заделанный фанерой, облепленный силиконовой «жвачкой». От него мы узнали, что в районе Мёртвого моря, куда пролегал наш маршрут, пронёсся жестокий ураган. Осторожный гид посоветовал не совать туда носа, но наш духовный водитель и пастырь по размышлению принял решение: ехать!

Едем. Но где ж она, обетованная Земля, «кипящая млеком и мёдом»? Однообразные горы вроде кусков нарезанной халвы разной величины. И в этой горной пустыне нет той несказанной красоты пустыни Арави, которая встретила нас, когда мы сразу же отправились из Тель-Авива на Синай по пути Святого семейства, убегающего с Младенцем Христом от царя-душегуба Ирода в Египет. Изредка встречается, радуя глаз, обихожённые рощицы финиковой пальмы, которые насадили израильские колхозники, а ещё теплицы, их строят во спасение не от холода, а от солнца, чтобы уберечь влагу.

Вернувшись на землю далёких предков в 1948 году, евреи, нажившие немало мудрости в предсказанном Христом почти двухтысячелетнем изгнании, взяли всё лучшее на вооружение, в том числе и социалистические наработки СССР. О том, как прижились коммуны-кибуцы на израильской земле, немало написано. Из всего написанного следует: кое-какой кровью добытый собственный опыт вполне может пригодиться и нам для того, чтобы наконец-то обустроить Россию. А пока в Сибири, в соседнем с моим домом овощном павильончике, продают сибирякам картошку из Израиля—из страны, где земля на вес золота. Израиль даже закупает землю. Уже по возвращении, в канун Нового 2014 года, с изумлением прочла я о том, что мэр Тель-Авива заказал участки земли в Сибири, и скоро их доставят в Израиль¹.

...Впереди реют мачты каких-то промышленных разработок. Мы приближаемся к Мёртвому морю. Ощущение, что подъезжаем к большому предприятию. Вот уже видны нарезанные для добычи участки Мёртвого моря, белеют отели с жаждущими излечиться в его водах. Едем к прибрежной зоне. Радуга! Я увидела её сразу при въезде. И с нею вмиг засияли слова Господни из Священного Писания: *«Радугу дарю вам. Это завет между Мною и вами»*. Эти слова были сказаны после страшного потопа, когда увязшие окончательно в грехах все города и веси Земли были смыты водою, и уцелело на всей планете Земля лишь одно семейство праведного Ноя.

Радуга вскоре исчезла. Урагана не было, но дул пронзительно холодный ветер. Гид оповещает, что мы спускаемся всё ниже и ниже всемирной отметки уровня Мирового океана. Значит, ближе

.....
1. <http://www.regnum.ru/news/polit/1751239.html#zagolovok2> (ИА Regnum)

к пропастям ада. Когда нам торжественно объявляют, что мы спустились уже на глубину четырёхсот метров под уровнем Мирового океана, автобус останавливается. Морские воды светятся вдали яркой искусственной бирюзой, а мы уже стоим под скалой, с виду глиняной, и наш батюшка читает нам, как стало Мёртвым это море.

...И сказал Лот наседавшей на него толпе возбуждённых жителей Содома, жаждущих поиметь у себя в постелях для утех гостей Лота: «Лучше отдам вам своих дочерей, только их не трогайте». По законам гостеприимства он защищал странников до последнего, даже готов был пожертвовать дочерьми. Но то были не простые гости, а грозные ангелы Божии, приказавшие Лоту бежать с семейством, ибо жители этих цветущих городов сами подписали себе смертный приговор.

Апостол так объясняет в своём Послании к римлянам, что с этим народом произошло: *«Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь. Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоположным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за своё заблуждение».*

Сколько так называемых цивилизованных стран подписали смертный приговор себе уже в наши дни, узаконив содомский грех? И что ждёт их? Прибрежные города Содом и Гоморра сгорели в огне и сере, уйдя в преисподнюю, оставив навеки мёртвыми эти некогда цветущие берега. Куски соли белеют на срезах горных отвесов цвета глины. Задрав головы, мы смотрим на главный соляной столб — жену Лота, которая, покидая своё прекрасное обустроенное жилище, послушалась ангелов и поглядела в сторону родного города.

Соляной, изогнутый в виде человеческой фигуры столб оброс камнями, вырос за эти тысячелетия. Но не пал, стоит в назидание всем нам... Некоторые толкователи этого эпизода из Священного Писания считают, что жалко было Лотовой жене бросать своё красивое жилище, и она послушалась запрета, как Ева, и обернулась, чтобы глянуть с сожалением в своё прошлое ещё хоть раз. А можно и по-другому истолковать: жена Лота нарушила приказ, глянула с высоты назад из женского любопытства (ах, это женское желание запретного плода!) и окаменела от ужаса, от увиденного ею...

Первый русский описатель Святой земли игумен Даниил, побывавший здесь в 1104–1107 годах, писал в своём «Хожении»: *«Мёртвое море безжизненно... Если внесёт Иордан своим течением в это море рыбу, то она и часа не может живой быть... Много смолы лежит по берегам. Смерд исходит*

от моря, как от горячей серы. Под этим морем находится ад мучения». Снова бросаю взгляд на Мёртвое море, от которого веет сернистым запахом. Почему оно мне так знакомо? Задаю себе этот вопрос и наконец понимаю почему. Эти безжизненные, без растительности, пространства, и эти почти белые горы, и эта яркая бирюзовая водная гладь — большая копия рудников в посёлке моего детства, где ссыльные добывали огнеупорную глину, наворачивая огромные горы из неё. Горы шли грядой, смыкаясь в кольца, а внутри каждого кольца непременно оставалось рукотворное озерцо с пронзительно-голубой мёртвой водой. Нам говорили, что цвет такой из-за медного купороса. Родители запрещали детям купаться в этих озёрцах и страшали тем, что, если залезешь туда, уже не вылезешь из-за скользких глиняных берегов. Время от времени проносился по посёлку слух, что кто-то из ребятни послушался и утонул в озерце, не выбрался на берег... В стародавние времена в Мёртвом море тоже не было принято купаться.

Мы стоим уже у самого его берега. Берег как берег. Ничего особенного. Радуга снова призывно вспыхивает за морем. Господь снова вступает с нами в таинственный разговор... Можно идти купаться, но мне не хочется. Кое-кто из наших пошёл. Многие смеются, входя в воды самого солёного моря в мире. Тыходишь в него, а оно тебя выталкивает. Ты ложишься, а оно тебя не принимает в свои глубины, так и лежишь на поверхности. И вправду смешная игра. Мёртвое море израильтяне давно уже превратили в выгодный бизнес-проект. Выкачивают его богатства, превращая в товар.

Ещё в 1582 году посланные на Святую землю самим русским царём Иоанном Грозным московские купцы Трифон Коробейников и Юрий Греков подметили: *«А море то невелико, обходу круг того моря пять дней... И ту смолу емлют и мажут виноград, на котором червь появится, и тою смолою те черви уморяют. А серу емлют и продают купцам. А купцы тою серою конопатят корабли, которые ходят по Черному морю».*

Ныне с Мёртвого моря тоже много чего «емлют». Но самый известный товар в мире — косметика Мёртвого моря. В здешний магазин туристов и паломников ведут прежде всего. От изобилия косметики глаза разбегаются, а из-за цен округляются. Но женщины охотно оставляют свои трудовые доллары, потому что всё равно дешевле, чем у нас, ну и потому что надеются: станут они все от этой продукции моложе и красивее. В магазине суетно. Я выхожу и снова стою на берегу знакомого с детства моря. Пробую воду рукою, и действительно — она словно масло. Распрямляюсь, вытираю масляные руки. Боже мой, а за морем сияет уже двойная радуга! Господь ждёт нас, зовёт

нас. Что ж мы медлим? Надо ехать. Где ты, Земля обетованная?

Палестинское танго

В пять вечера в декабре здесь уже темнеет. Белые камни вдоль дороги в свете фар напоминают наши сибирские сугробы. Наконец въезжаем в Иерусалим и глазам своим не верим. Город и на самом деле лежит в снегу: сугробы белеют по обочинам дороги, кое-где видны даже махонькие смешные снежные бабы. Снег облюбовал крепкие зелёные ветки деревьев, украсив их белыми полянками. Островки безопасности врезаются в дороги пушистыми белоснежными клинками. Уверившись, что за окном автобуса на самом деле снег, сибиряки развеселились не на шутку. Поднялся шум-гам, взрыва тишину, которая пришла по дороге, когда при подъезде к Иерусалиму паломник из Абакана по просьбе багوشки спел без всякого сопровождения знаменитый хит ирландцев, который подарил нам много лет назад Борис Гребенщиков:

Под небом голубым есть город золотой
С прозрачными воротами и яркою звездой.
А в городе том сад: всё травы да цветы.
Гуляют там животные невиданной красоты...

Иерусалим — единственный город в мире, который имеет аналог на Небесах. Песня эта — о Небесном Иерусалиме. Но почему-то появляются слёзы, как от какой-то сокрытой глубоко печали. Но мы едем мимо реального заснеженного Иерусалима в сторону Вифлеема — в Палестинскую автономию, где ждёт нас отель «Звезда». Город появляется скоро. Вытянувшись поперёк, сереет стена, отделяющая палестинских арабов от израильтян. Проезжаем в проём. Автобус с трудом поднимается в гору. В свете фар крупные снежинки исполняют немислимо изящный танец, словно танцуют под нежное и печальное «Палестинское танго», которое некогда было очень популярно у нас в стране.

Так, под праздничное кружение снежинок, и въезжаем в город, навеки связанный с Рождеством Христовым. Вифлеем встречает нас светящимися гирляндами и звёздочками на столбах. Для нас пятиконечные звёзды — страшный символ распятой безбожниками и залитой кровью России, хотя в годы Отечественной войны народ обернул эти звёзды в символ победы над пришедшей с оружием с запада фашистской нечистью. Для жителей Вифлеема — это просто символ Рождества Христова. Всё вокруг говорит о том, что мы попали на праздник. В вестибюле гостиницы нас встречают хозяева отеля — арабы. В холле — не родные нам традиционные искусственные западные рождественские веночки с зеленью под хвою. Долго пытаемся в холодных номерах заставить кондиционеры, привыкшие разгонять жару, работать на тепло. Может, с непривычки, но делают

кондиционеры это нехотя, согреваемся окончательно только тогда, когда после многообразного щедрого ужина залезаем под двойные верблюжьи одеяла. Здравствуй, наша первая ночь в Вифлееме!

Наутро выглядываю в бескрайнее панорамное окошко гостиницы, а там над заснеженными крышами церквей огромное количество крестов. В обширной столовой на восьмом этаже со сплошными окнами от пола чуть ли не до потолка с трёх сторон — панорама всего Вифлеема. Палестинская арабская автономия предстаёт перед нами таким почти сказочным христианским царством-государством. Выходим на улицу. Снег хрустит под ногами. В морозном воздухе витает запах кофе и праздника. Улитая сплошь красными шарами ёлка при входе в храм Рождества Христова снова напоминает нам о том, что до католического его празднования не так уж далеко. И уж совсем становится празднично на душе, когда, пройдя по пустому верхнему приделу храма, мы спускаемся по крутой каменной лестнице глубоко вниз и попадаем в ту самую пещеру с каменными сводами, в которой, не найдя иного пристанища, остановились пришедшие на перепись населения в Иерусалим Мария и Иосиф. Здесь появился на свет Младенец Христос.

Живший в Палестине во втором веке выходец из Сихема (нынешний Неаполь) Иустин Философ так описывает это событие: *«Ночью, на пути в Вифлеем, пришел Марии время родить. Иосиф поместил её в пещере, в которой держали скот, а сам отправился искать повитух. И вдруг произошло нечто странное. Иосиф шёл, но не двигался. Глядел на небо и видел, что остановился небесный свод. Всё остановилось и на земле. Животные перестали жевать. Пастух, поднявший кнут, замер. Вкушавшие при дороге пищу не донесли руки к устам своим. В это мгновение родился Сын Божий... Повитуха пошла с Иосифом, и они увидели: некое ясное облако озарило пещеру, воссиял свет великий...»*

Это осиянное божественным явлением место отмечено четырнадцатиконечной звездой, перед которой каждый из нас пал на колени, а потом и пал ниц, лоя и целуя лучи звезды. Так склонялись перед Младенцем когда-то пастушки, на поле которых нам не удалось попасть из-за непогоды, так склоняли головы почтенные цари-волхвы, принёсшие свои дары Царю Небесному. Сколько миллионов людей за эти две тысячи лет вот так очищали себя у Вифлеемской звезды, по-детски радуясь превечному рождению Младенца! Сколько войн пронеслось с тех пор на вифлеемской земле и просто на земле. Сколько храмов, поставленных во славу Христа на местах, связанных с его именем, разрушено. И только храм Рождества Христова цел — единственный из всех. Как поставила его в четвёртом веке, благоуказав красивой мозаикой,

фрагменты которой сохранились и по сей день, православная византийская царица Елена, так и стоит он, единственный из всех четырёх, которые возвела она за время пребывания на Святой земле.

В самой базилике, заливаемой сверху водой, сыро и неуютно. Из-за межконфессиональных распрей никак не могут отремонтировать крышу. Непогода смела людскую толпу, и мы неторопливо обходим все приделы. Кстати, войти в центральную дверь можно только в глубоком поклоне. Дверной проём невероятно низок с давних времён. Сделано это для того, чтобы всякого рода захватчики прекратили въезжать в храм на конях. К слову, о захватчиках. На одной из громадных колонн есть отверстия, куда всякий проходящий норовит вложить свои персты. По преданию, когда очередные захватчики ворвались в Божий храм, из этой колонны вылетел улей пчёл, жалья их беспощадно. Пчёлам-защитницам слава! А вот чего добиваются сибирские паломники, норовя попасть пальцами в отверстия бывшего улья, о том они и сами не знают. А всё равно радостно! Долго ходим по храму, особенно умиляясь улыбке Матери Божией с чудотворной иконы Вифлеемской. Единственное место, где Она улыбается. И с лёгким сердцем, сопровождаемые этой улыбкой, покидаем базилику.

Как только оказываемся на улице, поступает приказ от батюшки закупить ботинки. Ибо надежда на то, что выпал тот самый однодневный снег Ближнего Востока, который тут же и растает, развеялась. Крыши домов и храмов в снегу. Снег сбивается в кашу под нашими ногами, которые собирались в лёгоньких туфельках и кроссовочках обойти Святую землю. Думаю, нашествие русских женщин-паломниц на местный небольшой обувной магазин надолго запомнит тамошний продавец-араб. Все шумные восточные базары померкли перед этим. Кто-то тянул руки с долларами и башмаками, не церемонясь с выбором. Кто-то требовал достать модель из-под стекла, кому-то нужны ботинки большего размера, кому-то — меньшего. И все говорили одновременно, обращаясь к нему, единственному.

Бедный молодой продавец сначала растерялся. Потом стал выбирать, как старец выбирает из толпы пришедших к нему за советом. Кого-то он долго, несмотря на уговоры, не отоваривал, для кого-то мгновенно отпирал витрину, кого-то обслуживал по первой же просьбе, кого-то — после многократного зывания. И вот уже одна уходит с покупкой, вторая, третья, а покупательницам несть числа. Что терпеливый продавец рассказывал вечером дома об этом нашестве русских, неведомо, но в том, что в итоге он был счастлив, заимев в один день такую грандиозную выручку, нет сомнения.

Тщательно продуманный план паломничества по Святой земле рухнул. Самый Главный Режиссёр

внёс свои поправки в наш сценарий. Потом, дома уже, прочитала я заметку о тех днях:

«Ближний Восток в плену

В Израиле в центральных и южных районах власти ввели режим чрезвычайной ситуации: дороги заметены снегом, все основные трассы перекрыты, в том числе автострада Тель-Авив — Иерусалим. В столице государства выпало более полуметра осадков. Для города, где не знают, что такое „зимняя резина“, это настоящая катастрофа».

Днём нам позвонил гид и сказал, что автобус выехать к нам не может, в заснеженных районах объявлено чрезвычайное положение. Что было делать бедным паломникам в этом холодном, не желающем нагреваться от кондиционеров отеле с замечательным именем «Звезда»? Ничего, кроме того, чтобы опять устремиться к Вифлеемской звезде. Батюшка принял решение: завтра причащаемся на самой ранней литургии, прямо в Рождественском вертепе.

Приходим в базилику в ранние утренние сумерки, а в вертепе уже звучат греческие песнопения. От гортанного мужского пения дрожат каменные своды. Над Вифлеемскою звездой сооружён походный алтарь. Трогательно белеют в сумраке выставленные отдельно ясли, обычные ясли для корма скота, в такие вот и положили Младенца. Своды пещеры украшает яркая куполообразная рождественская икона, где рядом с ликами Младенца, святой Девы Марии и праведного Иосифа прямо в центре красуется мордочка осла. Мог ли знать тот ослик, что был свидетелем появления Спасителя на свет, что удостоится такой чести и будет воспет в веках вместе с дивно кротким беленьким ягнёнком? Конечно же, не мог, но живою невинной душою радовался этому событию наверняка. И мы стоим и радуемся. Но вот угадываются уже слова Спасителя о Его теле и крови, которые отдаются нам, немощным, в спасение и очищение. Начинается причастие. Первое наше причастие на Святой земле. Именно в Вифлееме. Не по нашей паломнической программе, а по промыслу Божьему.

Греческие монахи уносят свою походную икону с белым осликом. Служба окончена. А мы, как и в первый день, поём под сводами пещеры рождественский тропарь: «*Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...*» Мы празднуем Рождество Христово, и свет этого праздника вместе со светом Вифлеемской звезды сияет в наших сердцах. А праздник здесь всегда, с первого дня рождения Божественного Младенца. Сирийцы устанавливают над вертепом уже новый походный алтарь для новой Божественной литургии. Выходим на улицу, где тоже царит рождественская атмосфера. Для арабских мальчишек время чрезвычайного положения, когда даже отменили занятия в школе, — сказка наяву. Они с ума сходят

от этого снега, шумят, радуются, бросаются снежками. «Рюсски?» — кричит нам один из них, и тут же в нашу сторону летит снежок, даже в батюшку, да всё мимо.

При подходе к гостинице встречаем группу молодёжи, лица с печатью интеллекта, возможно, арабы из приежжих. Один из них, взглянув на нас, бросает на английском нечто вроде того, что этот snow, то бишь снег, от вас. Ничего не остаётся, как с поклоном признать: «Наш! Так примите же от чистого сердца наш сибирский подарок». Батюшка предупреждал нас, чтобы на улицах в спор не вступали, с улыбкой принимали любые слова, а при очень уж враждебных, словно не замечая их, шли себе дальше. Но, право же, никакой враждебности в тех голосах, что звучали в наш адрес, не было, так что мы поступили в полном соответствии с наказом. В гостинице нас, которые так сердечно молились с тремя священниками о даровании благоприятной погоды, ждало радостное сообщение: после обеда за нами сможет выехать автобус, и мы отправимся в Иерусалим.

Всякий раз, проезжая кордон, минуя серый невысокий забор, отделяющий Палестину от остального мира, мы видели нарисованные несмыслимой краской прямо на заборе выразительные огромные глаза, полные боли и какого-то странного, неотмирного света. Эти огромные глаза смотрели на нас сквозь тюремную решётку, тоже нарисованную. Рядом с ними изображён бегущий лев, на живую которого написано по-английски: «Money» — деньги, нажива, барыш... Золотой лев сменил золотого тельца? Вот такая «картина маслом», как говорит мой любимой герой — советский милиционер, недавний фронтовик Гоцман из замечательного телесериала «Ликвидация».

Что за протест таится в этих рисунках, нетрудно догадаться. Росписи эти никто не замазывает, проявляя терпимость. Так же и национальность в Израиле не фиксируют, даже в паспортах, чтобы не делить население на арабов и евреев, но неминуемое деление это существует в жизни, и никуда от него не уйти. В первый день пребывания в Вифлееме, направляясь под вечер второй раз в храм Рождества Христова, мы увидели в его дворе странную картину: солдат с автоматами в руках. Один из них развернулся и вдруг прицелился в нас. Потом отвернулся, стал брать на мушку другие цели. Похоже, это было нечто вроде уроков военной подготовки. Но холодок от этого прицела остался, словно предвестие грядущих сражений. И как тут не вспомнить эти слова: «Просите мира Иерусалиму!» Просите мира Вифлеему! Просите мира Святой земле!

В снегах Иерусалима

Всё смешалось «в доме Облонских». Из Сибири идут эсэмэски: «А у нас тепло, сухо и ни одной

снежинки». Это в декабре-то. А мы бродим чуть ли не по колено в снегах Иерусалима. И кажется уже, что корень у названия этого города — «рус» — Русь, хотя общеизвестно, что имя города с иврита означает «Город мира»; есть и другие толкования, но это наиболее применимое. Мы стоим среди засыпанных снегом высоких арабских гробниц у старинных городских стен, отстроенных турками-оккупантами, и наш гид показывает нам издали Львиные ворота. Через них въехал Господь на ослике в неделю вайий (пальм), ставшую у нас в России Вербным воскресеньем. Ликующий народ устлал путь Его пальмовыми ветвями. Наш путь тоже устлан — ветвями деревьев, сломанных ураганом и снегом. Паломники называются так потому, что привозили со Святой земли пальмовые ветви. Пальм на нашем пути не было, и я подняла с земли веточку кипариса. Она и по сей день лежит, ароматная, зелёная, напоминая о дне первой встречи с городом Христа.

Чувствую, что от снежной каши, от этого снежного болота, в плен которому мы попали, ноги совсем мокрые. Соседки мои тоже топчутся, подрагивая от сырости, которая методично проникает в обувь, независимо от того, насколько она добротна. Что ей вифлеемские ботиночки? На улице плюс два. Дует пронзительный ветер. Забегая вперёд, скажу: поиск более надёжных для такой ситуации резиновых сапог не увенчался успехом. Неизвестно откуда взявшийся снежок ударяет мне в грудь, снежки летят и поверх наших голов. Наш израильский гид, вмиг изменив интонацию, кричит грозным голосом, взирая на небо, на иврите. Хулиганистых мальчишек не видно — наверное, притаились прямо на узкой крыше городской стены. Мы идём в арабские кварталы, в старый Иерусалим — к Крестному пути Господа...

Как зябко в сером, бессолнечном Иерусалиме! Вот она, мокрая узенькая каменная иерусалимская улица Via Dolorosa. Путь скорби. Отправная точка Крестного пути — там, где остатки претории. В бывшей резиденции римских оккупантов — магазинчик с объявлением на английском о том, что входа на лифостротон нет, будьте любезны, вернитесь назад. Именно здесь витал смятенный дух Пилата Понтийского, имя которого христиане всей Земли произносят каждый день в Символе веры, здесь боролись его чувства: презрения и недоверия к еврейской элите, требующей казни узника, интереса к этому странному и явно не замешанному ни в каких преступлениях Проповеднику. Отстранился от всех ради собственного благополучия. Умыл руки. Именно здесь впервые засвистел бич, рассекая тело Господне под крики одурманенного народа: «Распни Его, распни!» И даже не утрашили никого Христовы слова, что кровь эта будет на их детях.

Не с первого раза удалось нам попасть в темницу, где сидели перед казнью преступники—отъявленные убийцы и разбойники, а с ними и Господь. Спустились на изрядную глубину в каменную камеру помилованного вместо Христа разбойника Варавы—а там внутри вдобавок вырыта ещё и яма, глубиной уходящая чуть ли не в преисподнюю, решётки вокруг крепкие, вовек не убежать. Надёжные тюрьмы строили израильтяне. А может, римские завоеватели? С невиновным Узником из Назарета поступили лояльнее: тюремная камера, где провёл последние часы земной жизни Спаситель, не так глубока, маленькая пещера (снова пещера, уже последняя в жизни!)—с сиденьем и круглой выемкой в стене вроде окошка, через которое можно просунуть посудину с пищей. Смотрю в это «оконное» отверстие: с пещеры овчей началась Его земная жизнь и снова пещерой, но уже тюремной, завершилась. И не было на Нём никакого греха. На выходе не могу оторвать глаз от никогда не виденной иконы. На ней—Христос в узак. Покупаю у монаха-грека эту иконку для знакомого мне узника, невинно томящегося в тюрьме. Помоги, Господи, ему выстоять!

Ноги оледенели в мокрых ботинках. Мы так много говорили в дороге о комфорте, который расслабляет и уничтожает в человеке человека, что этот дискомфорт на Крестном пути кажется нам подарком Божиим. Ну немножечко хоть пострадайте, потрудитесь ради Христа, так много претерпевшего и пострадавшего! Идём последним Его страдальческим путём на Голгофу. Римским легионерам, наверное, была тесна эта кривая улочка. Стоило ей расширяться, как тут же появились торговые лавки: с крестами, иконами, платками, сладостями, орехами, фруктовыми соками. И чем шире становилась улица, тем больше было товара и магазинов.

Тающий снег льётся с крыш на голову, шум стоит, гам: кричат арабы-торговцы, бренчат коляски на резиновом ходу, библикают машины, требуя дороги,—как только они влезли сюда? Наверное, такой же невообразимый шум, ещё покруче, стоял в преддверии Пасхи еврейской, когда вели на казнь Сына Божия и Сына человеческого. Несмотря на все неисчислимы помехи, пытаемся вырваться из этого шума. Спасаясь от него, поём нашу паломническую:

Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго...

Ещё одна остановка на Пути скорби. На каменной стене табличка—здесь Христос упал под неимоверной тяжестью креста. Здесь Вероника, сердце которой разрывалось от жалости, подала Ему плат, и Он вытер свой лик, запечатлённый теперь в иконах как лик Спаса Нерукотворного. Известна история, связанная с князем Авгарем,

исцелившимся от полотенца—убруса, на котором был нерукотворный лик Спасителя. В скромном католическом храме святой жены-мироносицы Вероники, увешанном трогательными иконами наивного письма, образ Спаса Нерукотворного—главный, он—первообраз, потому что он с Пути скорби. Немолодая монахиня тихонечко готовит к продаже новые иконы, покрывая лаком рамочки. Здешние храмы располагаются как по горизонтали, так и по вертикали. Молимся, спустившись глубоко вниз, у расположенного по центру небольшого столика, покрытого белым платком, плачем, как Господь и велел жёнам-мироносицам,—о себе и о детях наших...

Ещё один поворот—и ещё одна остановка на Крестном пути. Перед нами церковь Симона Кириянина, который взвалил на себя Крест Господень, когда Христос упал под его тяжестью, и понёс. Вот и мы каждый в какой-то момент жизни назвались христианами, взяли крест и пошли за Христом. Только бы не повернули назад, только бы не отреклись.

...Мы уже в новой части Иерусалима. Дорога становится круче и скоро выводит нас на Александровское подворье. Вот и оправдался этот корень «рус» в названии Иерусалима. Зашли и... попали в Россию. Появлением такого чуда на Крестном пути мы обязаны государю императору Александру Второму. Он начал строительство Русского подворья в Иерусалиме в 1860-м, вложив и свои средства, поскольку число паломников на Святой земле в то время достигало десяти-двенадцати тысяч человек в год.

Со временем русская территория стала самой большой из всех иностранных представительств в Иерусалиме. Но «вихри враждебные» докатились и сюда: с Первой мировой войной, с падением Российской империи подворье осталось без своих хозяев. Спустя век после его основания ярый безбожник, он же правитель громадной страны, Хрущёв повелел продать большую часть территории Русской миссии в Иерусалиме, точнее, променял её на апельсины. Эту незаконную «апельсиновую сделку», может, когда-нибудь и оспорят. Но первый на Святой земле русский храм во имя Александра Невского, слава Богу, не отнят. Здесь нас приветливо встречают красивые юные монашки в белых апостольниках. Русская речь, спокойное сияние их чистоты, живописные полотна с изображением Крестного пути Господа, идущие поперёк стен, родные иконы святых, белизна и величие храма— всё это как ласковое прикосновение Родины.

В католичестве канонизировано четырнадцать остановок на Крестном пути, пять из них увековечены храмами согласно христианским преданиям и легендам. Стоят на них и греческие православные, и католические храмы, есть армянский и эфиопский. И только один русский православный

храм — на этом Пути скорби. Он стоит там, где была последняя остановка перед Голгофой, — у Судных врат. Здесь Христу ещё раз зачитали смертный приговор. Через эти ворота легионеры и палачи повели приговорённых на казнь, и ничто и никто уже не мог отменить смертного приговора. После Судного порога была только Голгофа.

Главная святыня русского храма и всего Крестного пути дарована нам самим Господом. Именно на Русском подворье в восьмидесятые годы девятнадцатого века во время археологических раскопок был обретён порог Судных врат. То, что это тот самый порог, что стоял в Иерусалиме две тысячи лет назад, подтвердили авторитетные археологи мира. Отполированный миллионами ног, он помнит, как прошёл через него сам Спаситель. И теперь эта святыня, уцелевшая, несмотря на все лихолетья, лежит у Царских врат на возвышении в оберегающем стеклянном футляре, а за нею по центру, в основании большого распятия Христа, белеет камень с горы Голгофа...

Как и с чем прикасаться ко всему этому? Прикасаемся, доверяя сердца Господу... Как удивительно и трогательно то, что Судный порог дарован свыше именно России. Да будут чистыми её суды! Может, и вправду, как предсказывали старцы, спасительно засияет моя Родина для всего мира, который всегда пытался и сейчас пытается забросать её камнями? *«Когда окончатся страдания твои, правда твоя пойдёт с тобой, и слава Господня будет сопровождать тебя. Придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобой сиянию. Тогда возведи окрест очи твои и виждь: се бо придут к тебе от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословяща Христа вовеки!»* — так писал о России в изгнании святой исповедник святитель Иоанн Шанхайский, познавший, что такое быть гонимым за имя Христово.

Именно с Русского подворья с романовскими вензелями на входе не оставляло ощущение, что Иерусалим — это город, навеки связанный с династией Романовых. Сам храм назван в честь святого покровителя императора Александра Третьего, название подворья тоже связано с его именем. После гибели венценосного отца он продолжил строительство на Святой земле. Сколько славных имён увековечено на стенах храма! Это члены Императорского православного Палестинского общества. После убийства революционерами-террористами председателя общества, вдохновителя и благотворителя русских археологических раскопок, великого князя Сергея Александровича Романова здесь зажглась неугасимая лампада. Её зажгла и передала на подворье вместе с иконой Сергия Радонежского вдова князя, великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Стоим возле, радуясь. И икона жива, и лампада вновь горит.

Прославленная во святых как преподобномученица, лежит сейчас великая княгиня Елизавета Фёдоровна не так далеко отсюда, в Гефсиманском саду. Ежегодно в канун Светлого Воскресения Христова, в последнюю седмицу Великого поста, на Великий четверг, после чтения двенадцати Евангелий, именно сюда, на Русское подворье, по Крестному пути к Судному порогу, направляется из Гефсиманского русского монастыря крестный ход. Горят свечи и фонари, весь путь монахины устилают цветами...

Покидаем этот кусочек России на Святой земле с надеждой вернуться ещё. Идём по иерусалимской улочке дальше. Идём, а глаза вдруг застилают слёзы. Художник Илья Ефимович Репин, который тоже благоукрашал Русское подворье, написал в 1898-м: *«Во всём Иерусалиме есть что-то трогательнее до слёз. Этого во всём мире нет»*. Как точно. Идём по снегу, по сбитым ветром зелёным веткам деревьев. Идём к храму Воскресения Христова, который на Западе предпочитают называть чаще всего храмом Гроба Господня. И мы повторяем это вслед за ними. Но в царские времена доминировало первое название со словом «Воскресение». Идти тут всего несколько десятков метров. Входим в заснеженный прямоугольный двор, базилика словно обхватила его своими крылами. Отовсюду тянутся руки торговцев с множеством распятий: купите!

Воскресение Христово видевши...

...И вот она — гора Голгофа. Потом уже мне показали место, где, по Священному Преданию, жёны-мироносицы стояли за оцеплением римских легионеров. Я взглянула с того места на Распятие, что сияло под стеклянном куполом на вершине высокой белой горы. Как высоко и далеко был от них Господь, умирающий в страшных муках за них, за всех нас! И бессильны они были уже протянуть руку с платком, чтобы вытереть кровавые Его раны. Туринская плащаница, запечатлевшая умершего Христа, свидетельствует, что тело Его было истерзано множеством ранений. Страшный тёмный Камень бичевания свидетельствует о том же. Поднимаемся вверх к горе по крутой лестнице. Он умирал на Кресте, а кровь Его стекала к подножью Голгофы. Оно необычное, подножье этой горы, словно рассечённое. Когда Спаситель родился — мир замер, а как только оборвалась Его земная жизнь — весь мир содрогнулся, и камни даже расселись, распались.

Прибит на Крест моей неправдой,
Чем оправдаюсь пред Тобой?
Моя поруганная Радость,
Моя распятая Любовь!..
(иеромонах Роман [Матюшин])

Молча становимся на колени, перед тем как припасть к плите, на которой Спасителя прибивали

ко Кресту, вбивая грубые гвозди в руки, в ноги. Не вставая с колен, двигаемся к основанию Голгофы—этому центру всего мира. Он тут. Именно тут Центр мира. Это чувствуешь сердцем. И, словно в подтверждение тому, вливаются и вливаются новые людские потоки. В этом людском голгофском море все рядом: чопорные светловолосые европейцы (немцы, наверное); сверкающие белками глаз на тёмных лицах, растворившихся в сумраке храма, африканцы; энергичные, живые латиноамериканцы; организованные, собранные китайцы и корейцы и мы (со стороны себя не увидишь)—посланцы Страны белых снегов...

«Вот бы сюда всех неверующих привозить,— сказала мне после одна наша паломница.— Христос был! В это поверишь сразу же, как только увидишь здесь столько людей со всего мира...» И стоим мы все вместе посреди земли у горы Голгофы. Как оказались мы здесь, не сговариваясь? Нет, не мы оказались. Это Он привёл нас сюда с самых разных континентов, чтобы мы почувствовали, что такое людское братство. И как оно прекрасно, когда в сердце каждого—Христос!

Есть множество трогательных мест в этом огромном храме. Одно из них внизу. Это место, где встретил Господь свою Матерь. Что пережила Она, голубка чистая, на этом Крестном пути? Мы часто носимся со своими испытаниями, переживаниями, не понимая, для чего они нам даны, и всем нам они кажутся такими тяжёлыми. Как-то я задумалась над тем, что пришлось пережить на жизненном пути Ей, Матери Божией, «честнейшей херувимов и славнейшей серафимов», и стало больно за Неё. Ранняя потеря родителей, клеветнические измышления о её неверности и нечистоте при зачатии Младенца, страх потерять Его, бегство с Ним из родной земли в Египет от кровавого царя Ирода, гибель родных по крови и близких по сердцу людей—священника Захарии и жены его Елисаветы, лютая казнь их единственного сына и сродного Ей по крови Иоанна Крестителя... И казнь Сына, ни в чём не виновного. А после—позор на её голову, ибо в людских глазах Она—мать преступника. Позорнее смерти, чем смерть на кресте, не было для иудеев.

Последняя их встреча на Его пути на Голгофу... Вот Он стоит, Он ещё жив, но скоро жизнь эту отнимут. Что было на Её сердце материнском? О чём вопрошало оно? Голос сердца Её услышал святой Роман Сладкопевец, дерзнувший написать «Плач Пресвятой Богородицы»:

Куда Ты идёшь, Чадо?

Для чего совершаешь скорое Своё течение?..

Не иди ли и Мне с Тобюю?..

Дай мне слово, Слове,— не пройди мимо меня молча... Идёшь Ты... и никто Тебе не соболезнет.

Не сопутствует Пётр, говоривший Тебе:

«Я не отрекусь от тебя никогда. Хотя мне и умереть».

Оставил Тебя Фома, вопивший:

«С Тобюю мы умрём все».

И где теперь все прочие, домашние и сыны Твои, Имеющие судить двенадцать колен Твоих Израилевых. Нет никого из всех сих:

За всех же единый токмо Ты умираешь...

Из Евангелия мы знаем, что Господь откликнулся на этот плач, усыновив Ей любимого ученика своего Иоанна Богослова, а вместе с ним и всех нас.

Но даже мёртвой Богородицу ненавидели, пытались во время похорон перевернуть гроб. И это было здесь, в Иерусалиме. Позже мы побываем в Гефсиманском саду на месте Её погребения, в нижнем приделе храма. То было, наверное, тишайшее место из всех, где нам довелось побывать. Таинственно Она была взята из гробной пещеры на Небо, но здесь царили Её удивительная тишина, Её ровное сияние души, Её материнская любовь.

...Спустившись вниз, припадаем к Камню помазания, где бездыханное остывающее тело Сына Божия помазывали маслами. Ароматная плита благоухает и дарит неожиданный покой. Вспомнила, как после возвращения со Святой земли Виктор Петрович Астафьев рассказывал удивлённо, показывая покалеченную на фронте руку: «Я приложился рукой к Камню помазания, а он тёплый». Раза два повторил, какой же он тёплый, словно боялся, что не поверим. Ночью за Божественной литургией я помянула здесь славного нашего писателя-земляка вместе с верною супругою его Марией.

К Гробу Господню, который находится в нижнем приделе, такой же живой людской поток, что и наверху—к горе Голгофе. Здесь и Гроб, здесь и место Воскресения. Встаём в очередь к самой знаменитой и скромной часовне Воскресения Христова, которую называют ещё кувуклией и из которой исходит на каждую православную Пасху нетварный Благодатный огонь. Очередь идёт быстро, задерживаться там не дают и на минутку. Это самая последняя пещера в земной жизни Христа, уже посмертная, дарованная Ему богатым тайным учеником Иосифом Аримафейским. Могила, которая стала ложем Воскресения. Нас пустили сразу троих. Прикладываемся к пустому ложу Христову, выходим. И уже на выходе подступает вдруг неожиданное чувство: Христос воскрес! Пасхальная радость наполняет душу. Тут же, возле кувуклии, поём один за другим пасхальные тропари, христосуемся, целуемся: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» Так в один день встретили мы два праздника: Рождество Христово и Воскресение Христово. Такое бывает только на Святой земле.

Несмотря на ранний подъём, полностью промокшие ноги и озноб, бодро возвращаемся в Вифлеем с одной целью: отужинать и хоть ненадолго

передохнуть. Ночью у нас причастие в храме Воскресения Христова, если не подведёт погода и сможет выехать автобус. К ночи (молились же, просили посылную погоду!) автобус приходит за нами и везёт в Иерусалим на ночную Божественную литургию. Останавливается он на почтительном расстоянии от базилики. Идём пешком, балансируя на ледяной корке, чтоб не расшибиться, да ещё пытаемся разглядеть ночной Иерусалим. А он загадочный и красивый. Служба в кувуклии — часовне Воскресения Христова — идёт стремительно. На греческих и на русских священниках — белые пасхальные облачения. Пасха. Снова Пасха. Причастие. И снова ощущение самого нашего главного праздника. «Христос Воскресе!» — звучит с разных сторон. Воистину воскрес!

Полутру едем из Вифлеема в Вифанию. Какие чудные евангельские названия у этих городов! Если «Вифлеем» в переводе означает «Дом хлеба», и на самом деле рождённый здесь Христос отдал нам себя «в снедь», то «Вифания» в переводе значит «Дом бедных». Городок упрятался за Елеонской (Масличной) горой в двух километрах от Иерусалима. В евангельские времена был чуть подальше. Именно здесь провёл Христос последнюю мирную ночь. Отсюда вышел на моление в Гефсиманском саду.

Гид объясняет нам, что арабы, живущие здесь, очень бедны и у них за небольшую цену можно купить сувениры и кое-что из одежды. Автобус останавливается у торговых палаток. Товару много, начиная с магнитиков с видами Иерусалима и кончая большими чемоданами. Торговцы настойчивы. Уважив их, поднимаемся вверх по мощёной дороге. «Дом бедных» в этой городской черте поражает чистотой и белизной. Снега здесь будто и не было. Вверх ведёт безупречная дорога, сплошь покрытая громадными тёсаными белыми камнями с довольно высокими парапетами справа; белая дорога, белые дома. Вот и главная вифанская святыня — место, где был похоронен друг Христа, Лазарь. В Евангелии говорится о том, что, увидев горе сестёр своего умершего друга, Христос заплакал. Вифания знает слёзы Христа... «Дом бедных», который не раз с любовью принимал Спасителя, приютил Его перед арестом и казнью и проводил в последний Крестный путь.

Общеизвестно, что раньше иудеи хоронили в пещерах. При этих словах мне представлялись пещеры с виду вроде наших, что в окрестностях Красноярска. Стоит гора, а прямо в ней прямым большим углублением — пещера. Но гробница Лазаря, в которую мы стали спускаться, извиваясь, уводит нас всё глубже и глубже вниз. И что поразительно — она тоже белая, точнее, цвета топлёного молока, как и всё вокруг, почти праздничная. Но вдруг пахнуло холодом и сыростью подземелья; перед нами совсем маленький лаз, в который

тучному человеку трудно проникнуть. Изрядно согнувшись, проходим сквозь него; вот и гробница — довольно глубокая каменная яма, та, где лежал и уже разлагался умерший Лазарь. «Да он уже смердит!» — останавливали Христа плачущие сёстры Лазаря, понимая, что брату уже ничем не помочь. Но Господь, не слушая их, спустился и спускался всё ближе к телу усопшего. И здесь, именно на этом вот месте, у этой гробовой ямы, произошло чудо. По властному приказу Господа мёртвый стал подниматься и ожил.

Здесь, в Вифании, в этой гробной пещере, Христос сотворил столь зримое чудо ради того, чтобы мы поняли, что всем нам, живущим на земле, предстоит воскреснуть телами. Воскреснуть, как воскрес Лазарь — и немало послужил потом во славу Божью, став архиепископом и осветив христианством остров Кипр. Как сказал недавно замечательный профессор-проповедник, мы почему-то забываем говорить людям, что у нас самая радостная, самая утешительная религия. Мы — создания Божии. Мы неповторимы. И мы воскреснем.

Вечером, когда мы ужинали в отеле «Звезда» и за громадными окнами была уже великолепная ночная панорама города Вифлеема, к нам пожаловала гостья из Вифании — инокиня, принявшая имя одной из сестёр Лазаря — труженицы Марфы. Она приехала к своему родственнику по крови — к отцу Геннадию Фасту, к матушке его — Лидии, к их детям — Давиду и Кристине. Но если быть более точными, она приехала ко всем нам. Со всеми обнялась, каждому улыбнулась эта молодая православная монахиня с добрейшим лицом. Она приедет к нам ещё раз в Иерусалим, чтобы попрощаться.

Благодаря этой встрече узнали мы историю почти житийную: как немецкая девочка, выросшая в Германии и не знающая русского языка, уверовала в Бога, как мало было ей протестантской веры, как она убежала в церковь, как пришла в православие и выучила русский язык. И вот сейчас служит на Святой земле и сама уже преподаёт русский язык и опекает сирот. Более того, она — директор созданной в Вифании Русской православной церковью за рубежом общеобразовательной школы, где учатся четыреста арабских девочек — и христианок, и мусульманок. Кое-кто из наших побывает даже на их школьном празднике.

А Вифания так и осталась перед глазами — в белых воскресных одеждах.

Едем мы на Иордан!

Из иерусалимских и вифлеемских снегов едем в Иорданскую долину, и чем ближе к долине спускаемся, тем теплее и теплее. Обетованная Земля улыбается нам. Вызревшие мандарины и апельсины уже не под снегом, его тут нет. А едем мы на Иордан! Именно в ту часть течения реки, где

произошла встреча Христа и Иоанна Крестителя, где безгрешный Господь смиренно подставил свою главу проповеднику покаяния для крещения водою. И произошло физическое чудо: воды Иордана потекли вспять, в противоположную сторону — к истокам.

Долгое время это место было недоступно из-за пограничных конфликтов Израиля с Иорданией, поэтому купание в священных водах реки Иордан было обустроено для паломников в верхнем её течении. Мы потом побывали там, где есть обустроенные раздевалки, входы-выходы и прочее. И там омылись благодатно в спокойных светлых струях. Но главной стала эта первая наша встреча с рекой Иордан.

От недавних бурь и снегопадов вода жёлтая (видать, ещё и от поднявшейся со дна глины) и какая-то взбудораженная. Зелёные ветлы свисают по берегам, как и над нашими речками. Нас сразу предупредили: не вздумайте заплывать на противоположный берег, там уже Иордания, пограничные конфликты нам не нужны. Облачаемся в белые крещальные рубашки, купленные в арабском магазинчике в Вифании, с таким знакомым изображением Крещения Господня Иоанном.

С иорданской стороны нас с любопытством рассматривает группа молодёжи. Они в лёгких курточках — зима! А нам-то — лето! Кое-кто из нас и в тридцатиградусный крещенский мороз в сибирскую иордань погружался. Празднично звучит тропарь: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение...» И вот уже все в священных водах Иордана. Вода после снегопада холодная. Но и это сибирякам не помеха, погружаемся с головой по три раза во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И вдруг, к великой нашей радости, какая-то птица прочерчивает воздух. Голубь! Иорданский голубь! В виде голубя сошёл, явился Дух Святой во время Крещения Господня, и был голос Отца, и было Богоявление. Праздник Крещения Господня так и называют — Богоявлением. Какою радостью вошёл в наши сердца в тот день Господь! И эта радость была тоже Бога явлением.

Пока переодеваемся у камышей, к берегу Иордана подходит группа американцев. Одна из них, хрупкая, в кирпичного цвета курточке и джинсиках, отделилась от компании, подошла к нам и спросила на родном английском: «Холодная вода?» — «Нет! — дружно закричали мы. — Хорошая!» — «Не бойтесь!» — стали подбадривать её голоса из нашей весёлой толпы. Американка почти что улыбнулась, остороженько подошла к спуску, потрогала воду рукой и с опаской плеснула несколько раз себе в лицо. Распрямявшись, вытерла его аккуратнo платочком и, опустив голову, как-то грустно и виновато минув нас, направилась к своим.

А мы были в полёте, как птицы небесные. Зрелище, наверное, представляли экзотичное. Представьте себе: тридцать шесть человек в белых рубахах и трое бородатых батюшек, ликуя, окунаются с головой в жёлтые, встревоженные бурей и снегопадом воды Иордана. И выходят радостные, как будто с торжественного приёма после вручения наград. Представляю, как было многолюдно здесь в те давние времена. «Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои», — так сказано в Евангелии. Наверное, всю воду взбаламутили, принимая крещение от Иоанна. И была она такая же жёлтая, как сейчас. Ох и многолюдно было. И так же радостно.

А Иордан отблагодарил нас за нашу самоотверженность. Следующее наше купание на старом обустроенном участке реки было уже иным, более спокойным. И река тоже была иная — спокойная, воды её были прозрачны, чисты и омывали нас неторопливо, но так же благодатно. И так же, как в прошлый раз, звучал праздничный тропарь. Так дважды отпраздновали мы на Святой земле Крещение Господне.

А сегодня, когда я пишу эти строки в Красноярске, этот праздник отмечает весь православный крещёный мир. Енисей, как известно, из-за гидростанции зимой не замерзает. А традиционную иордань у нас на речке Базаихе запретило рубить мчс из-за тонкого льда. Покинули нынче нас сибирские морозы. Но плещется праздник иорданскими светлыми струями в каждом Божием храме, где поют: «Пускай радуется вся земля, пускай веселится небо, пускай взывает весь мир, реки пусть воспещут, источники и озёра, бездны и моря пускай радуются все вместе!» И плещется Иордан повсюду.

Скорбями берётся Царство Небесное
Комфорт — погибель наша. О том мы говорили в путешествии не раз. Но, честное слово, я была удивлена, когда нам предложили в Иудейской каменной пустыне подняться на не такую уж высокую гору Искушения на... фуникулёре. На это мы, конечно, не согласились. Поднимаемся молча, пешим ходом, кое-кто с посохами, обрётёнными и опробованными на горе Синай. И маршево звучат в такт шагам неслышные слова молитвы:

Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго...

В этих каменных джунглях сорок дней молился и постился Сын Божий, здесь искушал Его сам дьявол богатствами мира и властью над миром. Здесь отринул Иисус — Сын человеческий все мирские блага. Краткое восхождение завершается. Греческий монастырь, вросший в скалу, гостеприимно распахивает перед русскими паломниками

ворота. Снова начинается подъём, но уже внутри храма. И вот мы уже на самой высокой точке горы, в верхнем крошечном приделе, похожем на вершину смотровой башни. Смотрим из окошечка далеко вниз. Отсюда виден древний город Иерихон. Всё-таки высота гора Карантал—гора Сорокадневного Искушения. Падаем на колени перед образом Господним. Каждый молится о своём, но душа, виноватая пред Ним, плачет. Он отринул всё, и даже жизнь, чтобы умереть за нас. А мы? Что мы сделали ради Христа?..

Господи, «окормиши мя, и очишуся, омыеши мя, и паче снега убелюся»... Слезы сами собой льются и льются по щекам. Спускаемся в тишине по крутой каменной лестнице в нижний притвор, чтобы идти обратной дорогой. Но греки-монахи по-братски останавливают нас, чтобы батюшка показал каждого елеем из лампадки, одаривают каждого освящённым кусочком хлеба и скромной чёрно-белой открыткой с трагически прекрасным образом Христа—таким Он ходил среди этой каменной пустынной Иудеи. Этими своими простыми действиями и нежным, внимательным отношением монахи задерживают нас, чтобы мы побыли ещё немного в этих святых стенах, просят побережь душу, остановиться, не бежать спешно в мир, где тебя уже на спуске ловят арабские мальчишки с мешочками засахаренных орехов: «Ван доллар»,—а торговцы сладостями уже издали машут рукой, предлагая финики: «Файв доллар».

Но что сделаешь с миром, если мы из мира, а не из монастыря? Он властно войдёт, блестя «стекляшками», дарящими удовольствие и тот самый комфорт, от которого мы ненадолго отреклись ради восхождения на гору Искушения. И никуда от мира не денешься, если ты в нём живёшь. И как беречь душу, то чувство, дарованное ей в этом вросшем в скалу скромном греческом монастыре на месте искушения самого Господа?

С горы Искушения начался путь Господа в Иерусалим, на гору Елеонскую. И мы уже на этой горе в Иерусалиме. Здесь до сих пор зеленеет известный всему миру Гефсиманский сад. Идём по нему с ощущением ирреальности происходящего. Вековые и тысячелетние оливы с причудливо переплетёнными стволами чуть припорошены снегом. Мы идём к русской территории в Гефсиманском саду. Храм Вознесения Господня окружён русскими могилами, занесёнными белым снегом Родины. Светлой памяти архимандрит Антонин (Капустин), немало потрудившийся на Русскую Палестину, лежит где-то поодаль от храма, тоже занесённый снегом. И ирреальный евангельский мир становится совсем реальным. Кажется, что мы на обычном русском кладбище. У самой тропинки на углу храма резко выделяется одинокая могила схиигумена Парфения, тридцать лет отслужившего в Русской миссии в Иерусалиме. Надпись

свидетельствует: погиб в ночь на пятнадцатое июня 1909 года от рук злодеев. И в Гефсиманском саду пролилась русская кровь за Христа.

Вот Камень Моления о чаше, где молился Господь до кровавого пота, и где определён был Ему путь только на Голгофу, и где Он принял его. Здесь, в Гефсиманском гроте, ждали его ученики, они спали, не в силах совладать со сном. А вот здесь под покровом ночи отдал Господа в руки римских воинов предатель Иуда. Говорят, несколько старых, переплетённых корнями оливковых деревьев были свидетелями той гефсиманской евангельской ночи. По подсчётам специалистов, им не менее двух тысяч лет, значит, они ровесники Первого пришествия Христова в этот мир и видели всё, что происходило в ту холодную ночь—ночь предательства Иуды.

У часовни Вознесения Господня нищий требовательно просит подаяния на.. немецком языке: «Gib mir einen Euro!» А хозяйничают в ней и владеют ею мусульмане, для которых Христос—только пророк Иса. Смотритель, внутренне, наверное, возмущённый, что мы пророка возвели в Творца, гонит нас с огромной скоростью. Едва успеваем приложиться к Стопе Господа, запечатлённой на камне. Говорят, что прежде часовня эта не имела крова и можно было из неё увидеть небо, куда вознёсся Господь. Вознесение—праздник, который всегда будоражит душу. Ведь Христос вознёсся и исчез из виду во плоти. С какими же страшными ранами вернулся Посланец Отца Небесного с земли, от нас, от людей. И не избежать ран всем, идущим за Христом узким путём. «В мире скорбные будете»,—предупреждал Господь.

Часовня Первого и Второго обретения Честной главы Иоанна Предтечи с углублённым и идущим под пол ложем для главы свидетельствует о том же—о готовности отдать свою жизнь за Христа. По одному становимся на колени, вкладываем голову, словно под отсечение. Когда будет трудно, вспомни это мгновение как обещание не жалеть жизни своей ради Христа. Как не пожалела своей жизни во дни страшных испытаний, выпавших на долю России, великая княгиня Елизавета Фёдоровна Романова, она же урождённая немецкая принцесса Гессен-Дармштадтская, она же—внучка легендарной английской королевы Виктории, она же—верная жена великого князя Сергея Александровича Романова, убитого революционером-террористом прямо в Кремле, она же—создательница уникальной православной Марфо-Мариинской обители милосердия на Ордынке в Москве, которая сейчас возрождается, она же—мученица за Христа, живьём сброшенная большевистскими палачами в шурф алапаевской шахты.

Я была на Урале, на месте гибели преподобно-мученицы княгини Елисаветы Фёдоровны, верной ей до смерти крестовой сестры Варвары Яковлевой

и молодых князей Романовых. Бывшая глубокая шахтная яма зеленела травой, усыпанной цветами, и напоминала живописную чашу. Кругом стояли, сияя древесным золотом и белым камнем, строения новенького женского монастыря. Была я и в пристройке-притворе алапаевского Свято-Троицкого храма, где несколько дней стояли гробы с телами невинно убиенных, вытасченные из шахты белогвардейцами, отбившими у красных город Алапаевск. Серые стены с вьющимся плющом и по сей день напоены благодатью. Может, ради святых мощей мучениц дал Господь на некоторое время власть белой гвардии. Они успели поднять из шахты убиенных, отпеть их и отправить длиннейшей дорогой (через Красноярск!) на Харбин.

Только недавно я узнала, что встретил этот трагический груз из России уроженец красноярской земли, руководитель Русской духовной миссии в Китае митрополит Иннокентий (Фигуровский). Гробы уже сочлились от разлагающихся тел, один только гроб с телом Елизаветы Фёдоровны был сух, а когда его вскрыли, с удивлением увидели, что она лежит невредимая, только потемнели ссадины у виска и у губ. Там, в Харбине, похоронили молодых князей Романовых, а гробы с телами княгини и верной её келейницы держали под полом Покровского храма, чтобы позднее переправить их в Австралию, а оттуда на Святую землю.

Однажды ещё не крещённая в православие красавица-аристократка Елизавета Романова сказала, стоя рядом с мужем в Гефсиманском саду: «Как бы я хотела быть похороненной здесь». Шёл 1888 год, шло освящение только что построенного русского храма во имя святой равноапостольной Марии Магдалины. И Господь услышал и исполнил желание любимицы своей. Но для этого ей пришлось засвидетельствовать свою любовь к Господу всей жизнью и кровью. Где-то тут недалеко должна быть могила игумена Серафима, который исполнил Божье задание и доставил княгинюшку из Алапаевска прямо в Гефсиманский сад, на участок Русской духовной миссии в Иерусалиме.

В русском храме равноапостольной Марии Магдалины пустынно. Монахиня открыла его дверь ради нас. Она оказалась знакомой нашим паломникам из Абакана, пошли объятья, распросы. Сразу же запели тропарь мученицам. Я стою у гробницы с чувством глубокой вины и прошу прощения у моей любимой великой княгини Елизаветы Фёдоровны за то, что так обошлись с нею в моей тоже любимой, многострадальной и истерзанной России. А она, которая полюбила русскую страну с её дивной православной верой всей душой, тихо лежит под белой парчой, как под белым снегом, будто царевна из русской сказки, на ногах видны парчовые белые туфельки. Над беломраморной усыпальницей знакомое её фото, где она ещё вместе с мужем, рядом — поржавевший

крест, тот самый, из шурфа шахты, с образом Спаса Нерукотворного, что подарен был ей императором Александром Третьим. С этим крестом она и погибла...

Как кратко это долгожданное свидание. Все уже ушли, надо догонять. Припадаю ещё раз к родной для меня святой, спешу к верной её келейнице Варваре с просьбой, чтоб помолились они о том, чтобы хватило мне сил на жизненном пути явить верность Богу, Родине, ближним. Бегу по тропинкам Гефсиманского сада. А он всё ещё в снегу! И в который раз кажется, что ты дома, в России.

Российская наша родная держава

Господь сказал своим ученикам: «После воскресения Моего Я встречу вас в Галилее». Долгожданная Галилея... Мы отправляемся туда, где прошла большая часть Его жизни, где пройдено Им столько дорог вдоль берегов моря, с которых были призваны первыми к апостольскому служению простые галилейские рыбаки. Утро восемнадцатого декабря. Мы — в порту города Тиверия и уже на борту корабля. Волны качают его сильнее и сильнее. Но все взоры наши устремлены на рею, по которой поднимается государственный флаг России. Только полотнище достигло своего пика и затрепетало на ветру рядом с флагом Израиля, во всю мощь грянул наш российский гимн. Огромное Галилейское озеро, которое называют ещё Тивериадским, а ещё Генисаретским, огласила торжественная, с детства знакомая мелодия. Слезы неожиданно навернулись на глаза. Как далеко мы от России, и вдруг она оказалась совсем рядом. Смотрю, а у высокого тиверийца, который поднимал флаг, тоже глаза влажные. Из наших иммигрантов, наверное.

От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая —
Хранимая Богом родная земля!
Славься, Отечество наше свободное,
Братских народов союз вековой,
Предками данная мудрость народная!
Славься, страна! Мы гордимся тобой!

Не зря Галилейское море называют морем. Волны вздымаются всё выше и выше. Корабль раскачивается всё сильнее и сильнее. А наш гимн звучит, летит над водами Святой земли. И мы, с трудом вспоминая слова, поём свой государственный гимн.

Вопрос, на который не требуется ответа: должен ли русский паломник знать слова гимна своей родной страны? Я и сейчас благодарна хозяевам корабля — двум высоким и симпатичным тиверийцам уже в возрасте, которые с нашего гимна начали эту экскурсионную поездку по морю, навеки связанному с Христом и Евангелием. В тот день оно, без

сомнения, было морем, так что местные рыбаки, с которыми рядом жил Христос, были люди не робкого десятка. Экскурсия с обозрением берегов была недлинной, кстати, и стоимость её была не так уж велика — десять долларов. А ознаменовалась она ещё одним маленьким и трогательным событием, опять же связанном с Россией.

Накануне под вечер в Назарете приходит мне на сотовый сообщение: «Не забудь завтра помянуть Ивана Всеволодовича». Да, десять лет прошло со дня кончины замечательного дирижёра, народного артиста России, создателя и художественного руководителя Красноярского государственного академического симфонического оркестра. А с нами как раз в поездке — первая скрипка оркестра Валерий Ефремов и его жена Лилия, виолончелистка, которые работали многие годы под руководством Ивана Всеволодовича, до самой его кончины. Я — к Ефремовым, Лилия сбегала к отцу Геннадию, сообщила. И вот представьте себе: волнующееся Галилейское море, корабль качает из стороны в сторону. После гимна служим молебен, а по окончании его отец Геннадий сообщает всем об Иване Всеволодовиче. И вот уже летят над волнами имена знаменитого московского проповедника отца Всеволода Шпиллера и сына его, Ивана Всеволодовича. Служим литию и все вместе поём «Вечную память». Ну кого ещё так красиво поминали?!

Вечером заехали совсем ненадолго в навеки священный с именем Христа город Назарет, который сразил нас своей безудержной удалью. По главной улице носились в красных колпаках Санта-Клауса взрослые и ребятишки. Сам Санта-Клаус вышагивал, возвышаясь над публикой, на высоченных ходулях. Мы быстро поднимались в гору, устремляясь к храму Благовещения, к источнику Божией Матери под чёткую барабанную дробь, будто воинское подразделение. Барабанные удары неслись со сцены под открытым небом, оглушая весь город. Это рок-музыканты время от времени пробовали свои инструменты на звучание, репетируя перед концертом. Город готовился к Рождеству Христову.

Так из рождественского Вифлеема мы попали в ещё более рождественский Назарет, прямо на генеральную репетицию предстоящего праздника. На главной площади в воздухе пахло попкорном, как в наших кинотеатрах. Глобализация! Высокая искусственная ёлка, вся разукрашенная шарами, высилась во дворе храма. Стеклопакетные стены какого-то культурного центра, пристроенные к нему, сияли огнями. Налепленные повсюду фигурки Санта-Клауса, звёздочки и снежинки — точно как у нас, увы, никакого отличия. Глобализация!

Церковь Благовещения и Архангела Гавриила при источнике Девы Марии встретила нас тишиной. Сумрачно. В простом металлическом бачке можно было через краник набрать святейшей воды, которая поила всю округу и в евангельские

времена. Сам источник Божией Матери светится светлыми струями в глубине колодца. Багюшка сказал, что ещё не так давно воду паломники черпали из колодца ведрами. Теперь же действовало вот такое сверхскромное усовершенствование. Да и сам храм был скромен и беден, притаился на вершине Назарета, упрятавшись подальше от шумного «праздника жизни». Припав к источнику и выслушав только начало вечерней молитвы на греческом, мы поспешили обратно к автобусу, с трудом пробираясь через людскую толпу и взирая на выставленные в витринах магазинов красивые, выполненные в полный человеческий рост вертепы с юной Девой Марией, с почтенным старцем Иосифом и Божественным Младенцем. Галилея встречала Рождество Христово. И это был тот самый город Назарет, где Христа за его проповеди хотели сбросить с обрыва. Типичное отношение к пророку в родном его Отечестве.

Сильно болела рука, напоминая о переломе, в автобусе я приложила к запястью платочек, смоченный назаретской водой. Платочек враз стал горячим, и боль утихла. Ночью снова спасалась я «назаретским платочком», и снова он помогал, вытягивая из меня боль. А когда уже по темноте добрались до гостиницы в самой Тиверии, то есть Тибереи, названной так в честь римского императора, владевшего и Галилеей, то снова оказались на празднике. Но уже на другом. Шумная толпа чернокожих африканцев и африканок из Нигерии в одинаковых очень нарядных длинных одеждах морской расцветки, заполучив ключи от номеров, направилась в конференц-зал и приступила к вечерней молитве.

Как задорно и радостно славилы они Христа! А до чего были зажигательными их танцы, к которым они и нас пригласили, увидев, как мы смотрим на них через стеклянную дверь. Так хотелось пуститься в пляс с чернокожими братьями-христианами! Но... Мой-то пляс будет простою пляской. А у них-то пляска молитвенная, моей ментальности недоступная. Так что ничего не оставалось, как отказать от приглашения. А нигерийцы продолжали своё божественное веселье. Молитвы у них играют, как молодое вино. И страдают они сейчас и погибают за свою веру, как первохристиане.

«И некоторых из вас умертвят, — предупреждал Господь. — И будете ненавидимы всеми за имя Мое». Вот типичное сообщение из Нигерии, где, по некоторым данным, было убито за три года более трёх тысяч христиан: *«Группа исламистских боевиков, одетых в армейскую форму, штурмовала христианскую деревню в штате Борно в субботу, открыв беспорядочную стрельбу и убив по меньшей мере 106 мужчин. Лица мужского пола и были целью нападения. Боевики ворвались в деревню на грузовиках и нескольких автомобилях в то время, когда все мужчины собрались на деревенской*

площади. Расстреляв их, боевики начали рейд по домам в поисках тех, кто пытался спрятаться...»

Но не боятся таких сводок те, кто в такой радости славил Господа в Тиверии, и этой первохристианской радости у них никто не отнимет.

Мы же, прожив в снегах целое тысячелетие во Христе, привыкли славить Господа и обращаться к Нему иначе. После ужина молились прямо под открытым ночным небом Тиверии, передавая молитвослов из рук в руки. И звучали наши моления—с неизменной печалью: *«Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи Человеколюбче. Благотворящим благосотвори. Братьям и сродникам нашим даруй яже ко спасению прощения и жизнь вечную. В немощах суция посети и исцеление даруй. Иже на море управи. Путешествующим спутешествуй...»*

И Господь управлял. В этих благословенных галилейских беснежных местах мы сразу же согрелись от солнышка. От одного только вида Галилейского моря тепло на душе. Утром, выглянув в окошко, я наконец увидела тиверийцев. Все они куда-то спешили. Вот один, высокий, в чёрной кипочке, прошёл, второй высокий в кипочке, третий высокий в кипочке, четвёртый, пятый! Потом по описаниям в Интернете я определила: вроде такие чёрные бархатные кипы, только белые изнутри, носят евреи-ашкенази. Был день субботный—для иудеев день совместной молитвы. В здешних синагогах учил когда-то свой народ сам Христос. Не приняли.

К концу нашего путешествия по Галилее море замерло и удивляло своей тихостью и кротостью. И была в Тиверии прощальная мистическая трапеза на берегу, когда вкушали мы в кафе с видом на море «рыбу от апостола Петра». Речная рыба из Галилейского моря была именно такая, какую я люблю. Внешне и по вкусу она напоминает карпа или нашего туруханского карася, только более светленькая. Но само поедание Петровой рыбы было настолько неторопливо и спокойно, будто с присутствием апостолов Христовых, что... чувства этого не передать. Одно скажу: нас угощали не хозяева кафе, взявшие по двадцать долларов за всё про всё с салатами, пастами, кофе, финиками. Наверное, это была агапа—трапеза любви, подобная тем, когда сам Господь сидел за столом, а иногда и сам готовил рыбу для апостолов.

И на этом месте мы тоже побывали, где в третий раз явился Христос апостолам по своём воскресении. Сидели прямо на гальке на тихом берегу, глядя в водную даль. Сидели рядом с юными путешественницами из Германии. О чём думали только вступившие в смятенную нашу жизнь эти стилиные одетые девочки? Может, просили Его укротить бурю страстей, что терзают душу, требуя своего, укротить, как когда-то Христос укрощал волны этого моря. А может, просили у Господа простого

человеческого счастья. А мне так хотелось побыть подольше на Его родной земле, пройтись по ней пешком. Удивительное понятие «родная земля». Вспомнила слёзы пожилого тиверийского матроса при звуках гимна России и всем сердцем почувствовала ему, тоскующему на родине предков по своей далёкой заснеженной родной русской земле. Уже дома не без чувства удовлетворения прочла информацию:

«Путин подписал закон о более широком использовании флага и гимна РФ

...Флаг Российской Федерации теперь будет использоваться при открытии памятников, установленных по решению государственных органов, при открытии торжественных собраний по поводу государственных праздников, в день начала учебного года в средних и специальных учебных заведениях. Гимн РФ может исполняться во время торжественных мероприятий, проводимых государственными органами, органами местного самоуправления, а также государственными и негосударственными организациями. Закон вступает в силу 1 сентября 2014 года».

Да любите друг друга!

Слава Богу, эти благословенные, исхоженные Христом места мы ещё не покидаем.

Наш автобус подъезжает к очередной горе, что окружают берега Галилейского моря. Она не высока и не крута. Спокойно поднимаемся по пологой широкой тропе наверх. Огороженный железным забором скромный католический храм, поставленный в честь важнейшего евангельского события—Нагорной проповеди, закрыт. А мы, приехавшие от Моисеевой горы, где были даны Десять заповедей, стоим на том самом «ровном месте» горы, где Христос провозгласил новые заповеди—заповеди блаженства, поднимающие человека на ещё большую высоту. Мы—на горе Блаженств.

У неё действительно плоский верх. Внизу виднеются поля с сельхозугодьями и декабрьским сухостоем. Дорога, что идёт вдоль них, напоминает нашу русскую просёлочную дорогу. Мягко светит солнышко. Вслух читаем Евангелие. И дарованные Христом заповеди вновь звучат там, где они были сказаны впервые. Это уже заповеди любви. Ощущение на этой горе, будто ты дома. Сажусь на склоне на камень. Смотрю вниз: уйти бы по этой просёлочной дороге! Но всех уже зовут в автобус. А я, глядя с прощальной тоскою на тихую красоту Галилеи, думаю вот о чём: если бы все люди любили Христа, они давно уже проложили бы вдоль Галилейского моря дорогу, увитую цветущими кустами, украшенную скульптурными композициями со сценами из Евангелия, чтобы паломники со всей Земли могли бы пройти с Иисусовой молитвой вдоль берегов, исхоженных Господом.

И не умолкала бы тогда в этих местах Иисусова молитва во веки веков. Но люди не любят Христа...

Автобус мчится дальше по галилейской дороге, которая почти каждой стрелочкой на указателях напоминает нам о евангельских событиях. Проезжаем стрелочку с названием «Магдала» — та самая, откуда была родом Мария Магдалина. Помните её плач у пустой гробной пещеры: *«Унесли Господа моего, и не знаю, куда положили Его»?* Может, в благодарность за эту неистребимую верность к ней первой явился Господь по своём воскресении. И, первая свидетельница Христова воскресения, стала Мария из Магдалы равной апостолам, уверенно входила в императорские дворцы, не пугаясь их земного величия, ибо с нею входила сама Истина, сам Господь.

Не хочу вдаваться в споры о Марии Магдалине, об утвердившейся (особенно на Западе) традиции считать её великой блудницей. В Евангелии о ней сказано иначе: что Господь исцелил её, изгнав из неё семь бесов. Всё. И не надо придумывать и приписывать ученикам и ученицам Христовым того, о чём нет ни слова в Евангелии.

Мы на подворье русского Горненского женского монастыря в Тиверии. В самом монастыре в Иерусалиме мы тоже были, но совсем недолго. Добирались от далеко остановившегося автобуса пешком в самый тяжёлый день после снегопада. Шли по ледяной бугристой дороге, спотыкаясь о сломанные ветви деревьев, рискуя разбиться вдребезги. Храм во имя иконы Казанской Божией Матери был закрыт, только один послушник, по-моему, волжанин из Саратова, крепкий белеватый мужик, упрямо отбрасывал снег лопатой. К нам вышла всего лишь одна монахиня, чтобы собрать записочки, ненадолго открыла храм. Она была явно обеспокоена, мы тогда ещё не понимали до конца чем. Теперь понимаем. В эти же дни в Интернете появилось вот это тревожное сообщение:

«Горненский женский монастырь в Иерусалиме просит о помощи»

Сильнейший снегопад нанёс серьёзный ущерб обители: нарушено энерго- и водоснабжение, разрушены крыши многих построек, дрова и дизельное топливо на исходе. Соответствующие городские службы на обращения Русской духовной миссии в Иерусалиме не реагируют. Постепенно территория монастыря силами сестёр и трудников приводится в порядок. Но требуется немалое вложение денег для приобретения дополнительного дизельного генератора и ликвидации последствий урагана и беспрецедентного снегопада. Сёстры будут молиться у Живоносного Гроба Господня за оказавших монастырю материальную и молитвенную помощь. Перечислить пожертвования можно здесь...»

Здесь, в Тиверии, снегом и не пахнет.купаемся в тёплых лучах солнца.

В монастырском саду с финиковыми пальмами, с видом на Галилейское море (прямо внизу его каменистый берег), с монастырскими курочками-хохлатками в чёрных пёрышках (одетыми в одной цветовой гамме с монахинями) целых три источника Марии Магдалины. В одном все дружно промывали глаза, изъеденные цивилизацией, в других омывали тела. Один из источников очень согревал, потому что тёплый в любую погоду. Все будто прикипели к этой благодати. И не было человека, который бы не улыбался здесь. Умилительно было видеть в саду насаженные в пенёчках цветочки. Один, маленький и аленький, был копией того, что у меня на подоконнике, — как робкое напоминание о родине.

Перед отъездом столпились в иконной лавке. Нас много, а обслуживает всего одна юная инокиня в чёрном облачении. Красивое её лицо было ещё прекраснее оттого, что светилось изнутри ровным тихим сиянием. Спросила её, откуда она, — оказалось, из Днепропетровска (бывшего Екатеринославля!). Когда-то я была там, когда он был нашим городом, теперь отошёл к Украине. Распадается единый наш славянский мир. Горестно от всего этого. Но взглянешь на красивую девочку с именем Виктория (Победительница), которая служит Христу за тысячи и тысячи километров от родной украинской земли, в родной Его Галилее, и радостно станет на сердце. Значит, не совсем обезумел наш мир, когда такие невесты приходят в дом Божий.

Хотя израильский гид говорил нам, что в греческих православных монастырях Святой земли монахов становится всё меньше и меньше. Наверное, число монашеских обителей соразмерно мере любви на нашей земле. А там, где любовь, там — Христос. Часто вспоминаю обитель преподобного Герасима Иорданского. Когда мы вошли в храм, удивлению моему не была предела: молодой чернородый монах тихо сидел на скамеечке и ласково гладил доверчивую белую собаку. Но ведь собак не пускают в храмы! А эта чувствовала себя в церковных стенах как дома и очень походила на ребёнка, который любим: само спокойствие и умиротворение. Увидев меня, подошла, ткнулась лбом в руку, поздоровалась. Нежно, ласково, без суеты и заискивания. Под сумеречными сводами церкви переплетались ветки деревьев, по которым порхали, щебеча, птицы. На высоте в клетке без конца цокал задумчивый попугай. Мы сгрудились возле него, восхищённо рассматривая отсюда пределы всего райского царства.

Послушав немногого говоруна, отец Геннадий перекрестил птицу и тут же отвернулся, чтобы идти дальше. Попугай, торжественно вытянувшийся в струнку во время благословения, завидев

спину батюшки, заволновался, захлопал крыльями, зацокал, словно потрясённо вопрошая: «Ты почему отвернулся от меня? Ты куда?» Услышав беспокойное щёлканье птицы, батюшка обернулся, даже рассмеялся при виде такого переполоха и вдруг по-детски защёлкал в ответ, попугай ответил. Так, к вящему удовольствию попугая, они попереговоаривались с минутку, и уж только после этого хозяин отпустил гостя, тем более что к клетке уже подошли другие паломники, и надо было хоть немного внимания уделить им.

Если б я была меценатом вроде той гречанки Катрин, что была на Божественной литургии на Синае, я б непременно стала опекать именно этот монастырь — монастырь Святого Герасима в Иорданской долине. Здесь тебя встретят лев, который когда-то возил святому отшельнику воду из Иордана, и ослик, из-за которого добродушный Герасим поссорился со львом. Ослик удрал с проходящим караваном, а через годик явился — не запылвился, и пришлось Герасиму, который заподозрил льва в том, что тот сожрал ослика, просить прощения у своего друга. Лев и похоронил своего друга-отшельника. И вот встречает теперь паломников в бронзе вместе с осликом.

Не принимайте всё это за сказки. Уроженец Мир Ликийских, тех самых, прославленных Николаем Чудотворцем, отшельник Герасим скончался в 475 году. Но в не таком уж далёком девятнадцатом веке преподобному Серафиму из Саровской пустыни, что превращена была в двадцатом веке в ядерный полигон Арзамас-16, так же исправно служил дикий медведь, и меж ними было удивительное, поистине райское взаимопонимание.

Подъехали мы к Герасимову монастырю изрядно уставшие, когда было сумеречно и не узреть было уже всего живого богатства монастырского двора, но хорошо было видно, как на самой высоте, на фронте храма, распластал крылья орёл. А уж когда вступили в храмовые пределы, то тогда уж совсем пахнуло теплом и раем, где люди и звери живут в полном согласии друг с другом.

Гордость монастыря — изумительной красоты и чистоты чудотворная икона Божией Матери «Млекопитательница», где кормит Она Божественного Младенца грудью. Эта икона, явив чудо-творения здесь, словно подтверждает предание о том, что именно на этом месте, в пещере (она теперь — нижний придел храма), останавливалось во время бегства в Египет Святое семейство. Более того, считается, что именно здесь сделал первые в жизни шаги Иисус Христос. Вот почему так много младенческой чистоты и добра в этой обители.

Пленённые гостеприимством нынешних отшельников, угощаясь соком крепким красного винограда и сухарями (не сухариками, а именно большими сухарями), бродили мы по церковному притвору, наполненному живностью, как самые

любимые и званые гости. И казалось, будто сам Герасим ходит тут где-то рядом и улыбается: «Ну что, братцы, нравится, когда к вам с любовью? И им тоже нравится, зверью-то». Вспомнилось, как наш добрый гид Акрам рассказывал о верблюдах как о собратях, обладающих удивительными достоинствами, говорил о том, как учат они людей терпению, смирению, трудолюбию. Какие мы все разные, человеки, и отличаемся друг от друга, наверное, мерой любви, которая либо есть в нас, либо совсем угасла. Мы находились в дивном оазисе среди Иорданской долины. И не было никакой усталости. Только радость.

Свет Сионской горницы

Накануне последнего дня пребывания на Святой земле паломники разбились на несколько групп. Одна из них, на зависть мне, отправилась в Хеврон, к Мамврийскому дубу. Но я выбираю Иерусалим. Холодный, мокрый от тающего снега, так и не сбросивший его, снежный Иерусалим... И сейчас, как и до поездки на Святую землю, эти простые строчки из песни иеромонаха Романа (Матюшина) ранят душу:

Иерусалим, Иерусалим — горькая моя мечта.

Иерусалим, Иерусалим — город моего Христа...

Снова, уже без гида, идём мы по Крестному Его пути, снова мы у Гроба Его — у часовни Его Воскресения. Расстаёмся... Всё с тем же ощущением, что Центр мира здесь. И ещё с одним ощущением. Более девяти столетий назад на Святой земле побывал русский паломник игумен Даниил, о котором я уже упоминала. «Сын далёкого Севера, я вступил в Иерусалим как в свою родину...» — писал он. Точнее не скажешь.

На брусчатой улице, по которой под ярким солнцем бежали поистине весенние ручьи, выставили столики, и мы сели отведать на прощание фалафелек. Я их присмотрела ещё в Египте, эти кругленькие обжаренные шарики, начинённые всяческой зеленью. Оказалось, что они из нута (его у нас называют ещё турецким горохом). Египтяне на Синае подавали нам фалафели в чистом виде. А иерусалимские арабы прячут их в карман разрезанной пополам пресной лепёшки, добавляют свежей капусты, перца, капельку майонеза, и постное блюдо готово к употреблению. Вместо кофе решила я взять чай по-арабски: с большой живой веточкой зелёной мяты, которая красиво светилась на солнце сквозь прозрачную кружку.

Подкрепившись и согрехшись от яркого солнышка, направляемся в иудейскую часть Иерусалима. Чем дальше отходим от шумных арабских улиц, тем тише становится вокруг. Извилистые улочки и проулочки загорожены с двух сторон древними высочайшими каменными стенами. И когда мы, поплутав немного и свернув

сначала с навигатором на планшетнике, а потом и с редкими прохожими, выходим на дорогу к Стене Плача, наступает непривычная тишина. С гордым достоинством проходят в этой тишине мимо нас ортодоксы. Не наши, а иудейские. В основном низкорослые, все в чёрном. Развевающиеся длинные пейсы, чёрные шляпы-котелки на головах, чёрные пальто и брюки. «Они вроде ваших старообрядцев, — пояснял нам накануне израильский гид, — не стали менять европейскую одежду девятнадцатого века и перешли в ней в двадцать первый век».

Чем дальше мы уходим от арабского квартала, тем чаще встречаем еврейских юношей и девушек в красивой военной форме цвета кофе с молоком и светлых оливок. Это солдаты израильской армии. В отличие от наших солдат, они расхаживают по городским кварталам вооружёнными. В руке — мороженка. За плечом — автомат. Начинаем спускаться вниз по ступенькам к Стене Плача — вооружённых солдат становится всё больше и больше. С удивлением вижу сидящую на ступеньках красивую, не очень старую женщину, она просит подаяния. Чуть выше — инвалид в коляске с той же мольбой.

Территория перед Стеной Плача чётко перерезана продольным забором, слева заходят мужчины, справа — женщины. Две тысячи лет назад здесь, на Храмовой горе, стоял единственный в Израиле храм. Это глядя на него, Христос заплакал и сказал: *«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, подобно тому, как птица собирает птенцов своих под крылья, но вы не хотели этого...»* Через тридцать семь лет после распятия Господа свершилось предсказанное Им падение Иерусалима и гибель Израиля как государства.

Тот иудейский храм был связан со многими святыми для нас именами. Храм тот принял Деву Марию, посвящённую Богу крошечную трёхлетнюю девочку, которая смогла так стремительно подняться по огромным ступенькам, что поразила взрослых. Об этом наш праздник Введения Пресвятой Богородицы. Вот здесь где-то и вели Её для посвящения Богу родители Иоаким и Анна.

Храм этот помнил Иисуса Младенцем, помнил Симеона Богоприимца, который так долго ждал Мессию и, увидев на руках Девы Марии, узнал Его и принял на свои руки как долгожданного Спасителя. Так посланцы Ветхого Завета, исполнив свою миссию, передали её будущим христианам — Завету Новому. Об этом наш праздник Сретенья.

Храм этот помнил Иисуса Отроком, собиравшим вокруг себя круг слушателей, удивлявшихся мудрости Его речей. Помнил Учителем, принёсшим Израилю и всему миру заповеди Нового Завета, и гневным Хозяином Дома Божия, изгнавшим торгующих и продающих в нём. Храм этот

был свидетелем убийства отца Иоанна Предтечи — священника Захарии. И был свидетелем коварных речей и затей жаждущих распять Христа первосвященников...

Как пояснил нам батюшка, Стена Плача — это даже не стена храма, а чудом уцелевший кусок ближней к нему ограды, который достроили в высоту и ширину. «Грех нам к Стене идти, — сказала решительно одна из паломниц. — Они же Спасителя распяли, самого Господа! У кого теперь просят они спасения и благ, плача возле этой Стены?» Тут была дилемма, как и на Мёртвом море. Тут уж каждый лично решал, идти или не идти к этой стене, омытой и омываемой слезами иудеев. Я не пошла. Видела, как к этой иудейской святыне устремляется много молодых, среди них и вооружённые солдаты, и калеки на колясках, и юные девушки. Возвращаясь, нельзя поворачиваться к Стене спиной, поэтому все пятятся, идут задом наперёд, потом благоговейно кланяются и уходят. Святыни нужны народу. Даже тому, который не принял Мессию, Спасителя, когда Он пришёл. Не принял Истину и ждёт того, кто назовёт себя таковым и приблизит конец света. И... второе пришествие Христа на нашу землю.

Стена Плача позади. Идём в сторону гробницы израильского царя Давида. Над нею расположена Сионская горница, та самая комната, где была Тайная вечеря, где Христос впервые сказал звучащие теперь во всех православных храмах слова: *«Придите, ядите. Сие есть тело Мое... и сие есть кровь Моя...»* Удивляться соседству гробницы знаменитого израильского царя и комнате над нею не стоит. Только что мы заходили в закрытый храм во имя родителей Девы Марии — праведных Иоакима и Анны, расположенный у начала Крестного пути. Старинный жилой дом, обычный подъезд, при входе направо — закрытый железной калиткой церковный вход, украшенный рождественскими веночками, а прямо на площадке — квартиры. Пытаясь разглядеть через решётку внутренность церкви, мы громко заговорили. На шум открылась дверь одной из квартир и вышла хозяйка — руки в боки. Наверное, хотела выгнать, но, увидев с нами батюшку, постояла немножко и ушла.

У царя Давида мы уже побывали накануне. Поздно под вечер вошли в заснеженный двор с величественным золотистым бюстом, живописно украшенным островками снега. По ветхозаветному преданию, Давид, родившийся тоже в Вифлееме, был светловолосым и синеглазым, как и Мать Божия, которая происхождением была из дома Давидова. Вот как писал о Ней в четвёртом веке святой Епифаний: *«Она была роста мерного, немного выше среднего; цвет Её лица был как цвет зерна пшеничного; волосы у Ней были светло-русые и несколько златовидные; глаза ясные, взгляд пронизательный, с зрачками как бы цвета*

маслины; брови немного наклонённые и довольно чёрные; нос продолговатый; уста подобны цветку розы, исполненные сладких речей; лицо не круглое и не острое, но несколько продолговатое; руки и пальцы длинные. В Ней во всём была простота и совершенное смирение...» По свидетельствам современников, весь образ Её был исполнен дивной красоты.

Красив царь Давид даже в памятнике, хоть лик его и немножко повреждён. Корона на голове, похожий на наши гусли псалтирион за спиной, тот самый музыкальный инструмент, который дал его молитвенным песням название «псалмы». Врачующие душу псалмы живы. Три тысячи лет прошло, как ушёл царь Давид к праотцам, а память о нём жива у иудеев, христиан, мусульман. Да ещё и в современных песнопениях воспевают его в далёкой России:

Дай же, Господи, душе моей покаяние Давидово
по молитвам Богородицы, по молитвам всех святых...
(иеромонах Роман [Матюшин])

Вместе с нами поспешили к Давидовой гробнице молодые ортодоксы с болтающимися пейсами— маленькие, шуленькие, с задиристо сдвинутыми на макушки шляпами-котелками. Вход отдельный: для женщин—слева, для мужчин—справа. Что там творилось, на мужской половине, не знаем, но только, как влетели туда молодые ортодоксы в чёрном, слышались такие воинственные удары барабана, такие энергичные громкие выкрики, что мы были просто сражены этим напором. Перегородка не глухая, всё летело в нашу половину, где, не будь мужской половины, торжествовала бы блаженная тишина.

Представьте себе. Слева—очень высокая Давидова гробница, напротив—книжный шкаф. Между ними скамеечка. На скамеечке сидят две живописно одетые в длинные затейливые юбочки малышки и читают под руководством мамочек. На мамочках юбочек нет, на них униформа старожечества на всех континентах—джинсы. Старшая девочка, явно дошкольного возраста, не без труда держит в руках большую книгу на иврите (без картинок!). Она столь серьёзно погружена в чтение, что едва глянула на нас, хотя мы в большинстве своём тоже были в длинных живописных юбочках, как у неё.

Господи! Ведь всё свершилось, о чём говорилось в Давидовых псалмах: и о Деве Марии, и о пришествии Христа, который кровью своею соделал нам спасение «посреди земли». Но пришёл—и не узнали Его. Убили, как сына хозяина виноградника из евангельской притчи. Не приведи, Господи, не узнавать Тебя, когда Ты к нам приходишь! Помолвшись дивному царю Давиду, обедняящему и по смерти столько народов, мы вышли во внутренний дворик. На улице уже было темно. Хотели попасть в Сионскую горницу, поднялись

по крутой лестнице, но дверь была заперта. Дворик с кипарисами по углам, если поднять вверх голову, напоминал знаменитые петербургские колодцы. Вверху тихо мерцал квадрат неба—не чёрного, живого. Здесь, на горе Сион, снова соединились в этих древних строениях дарованные нам Богом два Завета—Ветхий и Новый, два крыла нашей христианской веры.

Никак не хотелось уходить с этой вершины земного Иерусалима—места, овеянного духом Тайной вечери, прощанием Христа со своими учениками, которые, за исключением юного Иоанна, вскоре отрекутся от него «страха ради иудейска». А потом апостольством и кровью искупят свою вину. Когда среди бела дня в Гефсиманском саду нам показали пещеру, где дремали ученики во время Христава Моления о чаше, вдруг где-то недалеко закукарекал петух, напомнил нам об апостоле Петре, который был более чем уверен, что он-то от Христа никогда не отречётся. Тогда Господь и сказал ему о петухе, который дважды не пропоёт, как Пётр трижды отречётся. Что и произошло в ночь пленения Господа...

Внезапно появился рыжий кот, замер на скамейке в ожидании. Ну что ж, надо было кормить. Котов, видно, тут не жалуют. При входе на вершину Сиона мы видели, как какой-то работник свирепо гнал тоже рыженькую худенькую кошечку прочь от святого места. Самая младшая из нас, студентка Леночка из Абакана, начала шарить в сумочке и с радостью вытащила плавильный треугольный сырок. Кот смахнул его в мгновение ока. Он был хорош собой, но не шёл ни в какое сравнение с тем, которого мы встретили на горе Фавор. Тот тоже был белый, округлый, самоуверенный, с франтоватым жёлтым бантиком на шее, наверное, дальний родственник египетским. Он увязался за нами, не боясь того, что монахини Преображенской обители с лязгом закрыли за ним железные двери в обитель. Леночка (опять же она!) принялась его кормить, восклицая при этом, как же он обратно попадёт. Но, глядя на него, можно было не сомневаться, что попадёт.

Кормили его в ожидании микроавтобуса всем скопом. А он всё никак не мог наесться. Одним словом, баловень. Откушав, он гордо удалился, вспрыгнув на высокую стену сада, оттуда уже сияя своим бантиком на шее. Уж как пить дать знает все ходы и выходы в обитель. Сионскому рыжему коту совсем мало от нас перепало. Но он, радуясь, видно, тому, что не гонят, умиротворённо сидел на скамеечке и благосклонно взирал на большую толпу людей, которая и после молитвы всё стояла и стояла и никак не могла покинуть этот дворик, где впервые прозвучали из уст Христа каждый день теперь звучащие в мире слова о теле, ломимом за нас, и о крови Нового Завета, за нас проливаемой...

...То было вчера. А сегодня остаются последние часы пребывания на Святой земле, и мы снова здесь. Сколько гор нам встретилось на пути от Саяна до Синая и Сиона! И вот, преодолев это пространство, мы стоим на последней в нашем путешествии горе. С детства не раз читала в книгах о русском гимне «Коль славен наш Господь в Сионе». Не знала я, что окажусь на этой горе, но несколько лет назад отыскала слова гимна:

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык.
Велик Он в Небесах на троне,
В былинках на земле велик...

И правда, здесь, на Сионе, ощущаешь как живое дыхание огромного звёздного неба и самой маленькой былинки. Поднимаемся вверх по знаковой лестнице. Сионская горница открыта! И пуста. Довольно высокие своды. Не горница, а пустующий храм. Несомненно, за эти две тысячи лет, когда в Иерусалиме царили то римляне, то византийцы, то египтяне, то арабы, то англичане, она много перестраивалась и перекраивалась, но по-прежнему светит всему миру. Пока мы дышим древними стенами, заходит со своим падре огромная жизнерадостная толпа, с виду — лагиноамериканцы. Они выстраиваются у окошка византийского кроя и начинают молиться, перемежая молитвы и чтение очень красивыми песнопениями, напоминающими народные испанские песни. А мы усаживаемся наверху небольшой лестничной площадки, чтобы послушать их.

Смотрю — ко мне пробирается худенькая рыженькая кошечка. Клан иерусалимских рыжих кошек точно облюбывал нас. Уж не та ли, которую так жестоко гнали из этих мест в прошлый раз и на которую я с такою жалостью взирала? Ей-то ничего не надо, кроме ласкового прикосновения. Почувствовав мою руку, кошечка замурлыкала, словно принялась подпевать, потом улеглась на мою сумку с надписью «Jerusalem», так ей, видно, было теплее, не привыкла к холоду, который не покидал город, и замурлыкала ещё громче. Но, увы, нам пришлось скоро расстаться. Послушав жизнерадостных южноамериканцев, мы направились к росписи Тайной вечери, чтобы под нею служить свою службу.

И торжественно зазвучало в Сионской горнице Евангелие уже на славянском церковном языке. Наши певчие трогательно и нежно стали выводить: «Господи, помилуй», — когда на том крыле горницы молитвы уже затихли. Заслышав нас, падре и его подопечные заглядывались приветливо и доброжелательно. Как потом удалось выяснить в мимолётном разговоре, прибегая к разным языкам мира, с нашей тихой и чистой молитвой мы попали в самую точку. И так это получилось естественно и прекрасно. Как-то и не вспомнилось,

что Иуда здесь метался, спешил, бежал с вечера вон к первосвященникам, чтобы подороже продать Христа. Первый хриstopродавец мелькнул на Сионе безотрадной тенью и исчез.

Пред тем как уйти, американцы остановились на какое-то мгновение, батюшки обменялись рукопожатиями. «Какая страна? Россия?» — полуутвердительно спросила симпатичная белозубая женщина на английском. Мы закивали головами: «А вы откуда?» — «Никарагуа!», — ещё ярче улыбнувшись, сказала она в ответ. Так встретились на горе Сион и на краткий миг объединились христиане Восточной Сибири и Центральной Америки. А кто нас объединял на этой дороге от Саяна до Синая и Сиона с людьми с разных континентов? Тот, Кто велел накрыть пасхальный стол в Сионской горнице города Иерусалима для двенадцати апостолов и христиан всего мира.

Так получилось, что в последний вечер на Святой земле праздник нам устроила та самая неугомонная Валентина из Абакана, чей чемодан побывал в Париже. После того как она прошла ещё раз по Крестному пути, ей стало плохо, и мы отправили её в нашу гостиницу «Меридиан» на такси при живейшем участии случайной прохожей — жительницы Иерусалима, которая очень даже хорошо говорила по-русски. Русский язык в городе с корнем «рус» весьма распространён.

Так вот, абаканская наша паломница пришла в себя, достала из своего «парижского» чемодана замечательный наряд цвета коралла. И, совладав со слабостью (всё-таки русские женщины — самые мужественные в мире!), за прощальным ужином вдруг объявляет всем, что у неё сегодня самый главный праздник в жизни — день святого крещения. И вино, купленное ею в Кане Галилейской, она дарует всем нам! Официанты в чёрном, что весьма непривычно для нашего глаза, отыскивают для нас глубокую чашу-пиалу, мы наполняем её доверху канским вином. И пошла она по кругу, как наша русская братина. Началась агапа — трапеза любви, столь любимая нашим батюшкой, отцом Геннадием, за её древнее первохристианское происхождение.

Вино Каны Галилейской не сравнимо по вкусу, пожалуй, ни с каким вином. С ним можно сравнить по неизречимой сладости разве что вино из обители Герасима Иорданского в махоньких бутылочках, которое сами насельники и делают. В Кану Галилейскую мы попали в ночи. Ночь была волшебна и загадочна. Может, потому, что мы так и не увидели города, лежащего в темноте. Взобравшись на очередную довольно крутую гору, прочли Евангелие прямо у закрытых дверей храма и дружно ввалились в сияющий огнями и так хорошо знакомый паломникам всего мира, побывавшим на Святой земле, магазин «УГеография», хозяин которого дорожит качеством своей продукции. По крайней мере, так нам сказал израильский гид.

Это красивый магазин, обход которого начался с дегустации вин самых разных сортов и зрелости и с лицезрения невероятно радостных, ярких, оригинальных, вырезанных по дереву и поверху расписных икон греческих мастеров.

На одной из них в виде яркого древа были изображены Христос и двенадцать апостолов. Среди них и Симон Кананит, что был женихом на той знаменитой свадьбе в Кане Галилейской, где Господь по просьбе Матери превратил простую воду в невероятно вкусное вино. Общеизвестно, что жених последовал за Христом. И меня как-то чисто по-женски, наверное, беспокоила судьба невесты. Жених поступил, конечно, по-евангельски: всё оставил ради Христа и по ревности служения получил даже потом прозвище Зилот, что и значит «ревностный». И всё-таки у Господа всегда всё устроено так разумно и спасительно не для одного человека, а для всех.

Что же случилось с невестой, когда Симон ушёл? И именно в Кане Галилейской я услышала от отца Геннадия вполне утешительный для меня ответ. Возможно, что она тоже пошла за Христом, ибо были женщины, которые следовали за Ним, за Учителем, те самые мирносоицы, которые шли за Ним до конца, до самой Голгофы. И даже в Вечный город Рим пришла по Аппиевой дороге мирносоица Мария Магдалина, чтобы сказать самому императору Тиберию: «Христос воскрес!» Кто знает, может, спутницей её была Симонова невеста?

Кана Галилейская особенно мне дорога потому, что я была у Чёрного моря, на абхазской земле, там, где провёл последние годы жизни апостол Симон, была в его пещере, в которой он жил отшельником. Была в храме, наречённом во имя Симона Кананита, который, по преданию, стоит на его мощах. Симона распяли за проповедь Евангелия местные жители. Пройдёт время, и они примут православную веру, и будет создано великое Абхазское царство с ожерельем православных храмов на морском берегу, и построят они дивный город Анакопею с величественной цитаделью Божией Матери на самой высокой вершине. И будет это царство прекрасно, пока не сомнут его и не опустошат воинственные турки, насильно обратившие местных жителей-абхазов в мусульманство.

Вернул в эти места православие после добровольного присоединения Абхазии к России русский царь Александр Второй, в первую очередь

восстановивший руины, что стояли на святых мощах апостола и мученика Симона Кананита. А царь Александр Третий заложил на вершине горы Афон вместе с цесаревичем Николаем и всей семьёй камень в основание храма величайшего имперского монастыря во имя Симона Кананита. Так на стыке девятнадцатого и двадцатого веков на издревле православной абхазской земле родился современнейший по всем техническим и земледельческим достижениям русский монастырский город Новый Афон.

Но православие на этой земле вновь было смято, на сей раз опустошителями-большевиками для утверждения новейшей веры — атеизма. И монахи повторили мученический путь молитвенника и покровителя этих мест апостола Симона Кананита — отдали жизнь за Христа. Местные жители рассказывали, что, когда началась перестройка-перестрелка и некогда православная Грузия пошла войной на некогда православную Абхазию, сколько ни целились агрессоры, ни одна бомба не упала на Симонов монастырь, где разместился госпиталь для раненых. Именно здесь пролегла линия обороны. Как часто надо уметь держать оборону. Это я к тому, что в любые времена для того, чтобы быть христианином, надо иметь большое мужество.

Но вернёмся в тот последний вечер в Иерусалиме. Самое интересное, что своды ресторана «Меридиан» сделаны под старину и подобны сводам Вифлеемской пещеры и других пещер, связанных с Христовым именем. А потому рождалось физическое ощущение причастности к прошлому Святой земли, будто мы вернулись в апостольские времена. За трапезой, прежде чем пригубить чашу, которую я с трудом удерживала двумя руками, каждый должен был сказать речь не только о нашей виновнице торжества, но и о поездке от Саяна до Синая и Сиона. И было сказано нашими паломниками в тот вечер много замечательных слов. И эти мои записки — написаны тоже словно с братиною в руках.

На прощание хочу рассказать одну маленькую притчу, которая хоть немного объясняет, зачем люди ездят на Святую землю. У одного человека спросили: «Зачем ты уходишь молиться в пустыню? Неужели там лучше, чем дома?» — «Нет, не лучше», — ответил человек. «Там что, другая молитва?» — допытывались у него. «Нет, там молитва такая же», — отвечал он. «Так почему ты тогда уходишь в эту пустыню?» — с изумлением спросили его. «Там я не такой, как дома», — ответил человек...